

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ

Глава первая. Братья Маугли

В холмах Сиони было семь часов очень тёплого вечера, когда Отец-Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и одну за другой вытянул лапы, чтобы избавиться от чувства сонливости на кончиках когтей. Мать-Волчица лежала, опустив свой большой серый нос к своим четырём спотыкавшимся и пищавшим детёнышам, а пещеру, где они все жили, осветила луна.

-Ох! – сказал Отец-Волк. – Пора снова на охоту.

Он собирался побежать вниз с холма, когда порог перешла маленькая тень с пушистым хвостом и заскулила:

-Удачи тебе, о вождь волков. А также удачи и сильных белых зубов благородным детям, чтобы они никогда не забыли о голодных этого мира.

Это был шакал Табаки Лизоблюд – а волки Индии презирают Табаки, потому что он бегаёт повсюду, занимается обманом, ябедничает, ест крыс и куски кожи из деревенских мусорных куч. Но ещё они его боятся, потому что Табаки больше всех остальных в джунглях склонен к бешенству, и тогда он забывает, что когда-то кого-то боялся, и бегаёт по лесу, кусая всех на своём пути. Даже тигр бежит и прячется, когда

малыш Табаки становится бешеным, ведь бешенство – самая позорная вещь, которая может случиться с диким созданием. Мы называем его гидрофобией, а они называют его «дьюани» – бешенство – и убегают.

-Ладно, входи и смотри, - сухо сказал Отец-Волк, - но еды здесь нет.

-Для волка – нет, - сказал Табаки, - но для такой низкой персоны, как я, сухая кость – хороший пир. Кто мы, Гидур-логи [народ шакалов], такие, чтобы выбирать? – Он удрал вглубь пещеры, где нашёл оленью кость, на которой было немного мяса, и принялся весело хрустеть её концом.

-Всем спасибо за хороший ужин, - сказал он, облизывая губы. – Как красивы благородные дети! Какие большие у них глаза! И как они молоды! Правда, правда, я мог бы вспомнить, что дети королей – мужчины с самого рождения.

Итак, Табаки знал не хуже любого другого, что нет ничего хуже, чем расхваливать детей им в лицо. Ему было приятно видеть неловкий вид Матери-Волчицы и Отца-Волка.

Табаки сел, радуясь своим шалостям, а потом злорадно сказал:

-Шерхан Большой изменил территорию своей охоты. В следующую луну он будет охотиться среди этих холмов, так он мне сказал.

Шерхан был тигром, который жил возле реки Вайнгунга за тридцать два километра оттуда.

-Он не имеет права! – сердито начал Отец-Волк. – По Закону Джунглей он не имеет права менять свою территорию без должного предупреждения. Он распугает всю добычу на шестнадцать километров вокруг, а мне – мне в эти дни приходится убивать за двоих.

-Его мать не просто так назвала его Лангри [Хромой], - тихо сказала Мать-Волчица. – Он с рождения хромает на одну лапу. Поэтому он убивает только скот. Теперь в деревнях Вайнгунги на него очень сердятся, и он пришёл сюда и рассердит наши деревни. Его будут разыскивать в джунглях, а он будет далеко, и нам с нашими детьми придётся бежать, когда трава освещена. Да уж, мы очень благодарны Шерхану!

-Мне рассказать ему о вашей благодарности? – сказал Табаки.

-Вон! – рявкнул Отец-Волк. – Иди охотиться со своим хозяином. Ты причинил достаточно вреда для одной ночи.

-Я ухожу, - тихо сказал Табаки. – Вы слышите Шерхана внизу, в зарослях. Возможно, мне есть что ему передать.

Отец-Волк прислушался, и внизу, в долине, которая шла к маленькой реке, он услышал сухой, сердитый, раздражённый, певучий вой тигра, который ничего не поймал и будет не против, если об этом узнают все джунгли.

-Дурак! – сказал Отец-Волк. – Начинать ночную работу с такого шума! Он думает, что наши олени похожи на его жирных вайнгунгских волов?

-Тсс. Сегодня ночью он охотится не на вола и не на оленя, - сказала Мать-Волчица. – А на Человека.

Вой перешёл в какое-то оживлённое урчание, которое, казалось, исходит со всех четырёх сторон света. Это был тот шум, который озадачивает дровосеков и цыган, спящих под открытым небом, и иногда заставляет их бежать прямо в пасть тигра.

-Человек! – сказал Отец-Волк, обнажив все свои белые зубы. – Фу! Неужели в водоёмах так мало жуков и лягушек, что он должен есть Человека, да ещё и на нашей земле!

Закон Джунглей, который никогда ничего не предписывает без причины, запрещает всем зверям есть Человека, кроме тех случаев, когда убиваешь, чтобы показать своим детям, как убивать, и тогда нужно охотиться за пределами территории охоты своей стаи или племени. Настоящая причина в том, что убийство человека означает, что рано или поздно появятся белые люди с ружьями на слонах и сотни коричневых людей с гонгами, петардами и факелами. Тогда страдают все в джунглях. Причина, которую говорят друг другу звери, в том, что Человек – самое слабое и беззащитное из всех живых существ и трогать его неспортивно. Ещё говорят – и это правда – что у тех, кто ест людей, начинается чесотка и выпадают зубы.

Урчание стало громче и закончилось криком «Ааарр!» нападающего тигра в полный голос.

Потом раздался вой – не тигриный вой – от Шерхана.

-Он промахнулся, - сказала Мать-Волчица. – Что случилось?

Отец-Волк выбежал на несколько шагов и услышал, как Шерхан, упавший в кустарник, дико ворчит и бормочет.

-Этот дурак не придумал ничего умнее, чем прыгнуть в костёр дровосека, и обжёт лапы, - сказал Отец-Волк, рыча. – Табаки с ним.

-Кто-то идёт вверх по холму, - сказала Мать-Волчица, дёрнув одним ухом. – Готовься.

В зарослях тихо зашуршали кусты, и Отец-Волк присел, готовый к прыжку. Потом, если бы вы смотрели, вы бы увидели самую чудесную вещь в мире – волка, остановившегося в середине прыжка. Он сделал прыжок, не видя, на кого он прыгает, а потом попытался остановиться. В результате он рванул прямо в воздух на метр-полтора, приземлившись почти там же, где оторвался от земли.

-Человек! – рявкнул он. – Человеческий детёныш. Смотри!

Прямо перед ним, держась за низкую ветку, стоял голый коричневый младенец, который едва мог ходить – мягкий и гладкий малыш, пришедший ночью к волчьей пещере. Он посмотрел в лицо Отца-Волка и засмеялся.

-Это человеческий детёныш? – сказала Мать-Волчица. – Я никогда такого не видела. Принеси его сюда.

Волк, привыкший переносить собственных детёнышей, может, если нужно, взять в рот яйцо, не разбивая его, и хотя челюсти Отца-Волка сомкнулись прямо на спине ребёнка, ни один зуб даже не поцарапал кожу, когда он положил его среди волчат.

-Какой маленький! Какой голый и – какой отважный! – тихо сказала Мать-Волчица. Младенец втискивался между волчатами, чтобы подобраться ближе к тёплым шкурам. – Ага! Он ест вместе с остальными. Значит, это человеческий детёныш. А была ли когда-то волчица, имевшая среди своих детей человеческого детёныша?

-Я то и дело слышал о таких вещах, но не в нашей Стае и не в моё время, - сказал Отец-Волк. - Он совсем без волос, и я мог бы убить его одной лапой. Но смотри, он смотрит на меня и не боится.

В отверстие пещеры перестал проникать лунный свет, потому что во входе появились большая, массивная голова и плечи Шерхана. За ним пищал Табаки:

-Мой лорд, мой лорд, он пошёл сюда!

-Шерхан оказывает нам великую честь, - сказал Отец-Волк, но глаза у него были очень сердитые. - Что нужно Шерхану?

-Моя добыча. Сюда пошёл человеческий детёныш, - сказал Шерхан. - Его родители убежали. Отдайте его мне.

Как и говорил Отец-Волк, Шерхан напоролся на костёр дровосека и был в гневе от боли в его обожжённых лапах. Но Отец-Волк знал, что отверстие пещеры слишком узкое, чтобы вошёл тигр. Там, где был Шерхан, его плечи и передние лапы уже были сжаты из-за недостатка места, как если бы человек пытался протиснуться в бочку.

-Волки - свободный народ, - сказал Отец-Волк. - Они подчиняются приказам Вожака Стаи, а не какого-то полосатого убийцы скота. Этот человеческий детёныш наш - сами убьём, если захотим.

-Захотите, не захотите! Что это за разговор о желаниях? Клянусь быком, которого я убил, неужели я должен стоять, сунув нос в ваше собачье логово, ради того, что моё по праву? Это говорю я, Шерхан!

Пещеру наполнил громовой рёв тигра. Мать-Волчица стряхнула с себя детёнышей и прыгнула вперёд, глазами, похожими в темноте на две зелёных луны, глядя в горящие глаза Шерхана.

-А я, Ракша [Демон], отвечаю. Человеческий детёныш мой, Лангри - для меня он свой! Он не будет убит. Он будет жить, бегать со Стаей и охотиться со Стаей; а в конце концов, слышишь, ты, охотник на маленьких голых детёнышей - пожиратель лягушек - убийца рыб - он станет охотиться на тебя! Теперь убирайся отсюда, клянусь замбаром, которого я убила (ведь я не ем голодный скот), уходи же обратно к своей

маме, обожжённый зверь из джунглей, хромейшая тварь, приходившая в мир! Иди!

Отец-Волк удивлённо смотрел. Он почти забыл те дни, когда выиграл Мать-Волчицу в честном бою у пяти других волков, когда она бегала в Стае и была прозвана Демоном не за красивые глаза. Шерхан мог бы сражаться с Отцом-Волком, но он не мог выстоять против Матери-Волчицы, потому что знал, что сейчас все преимущества у неё и она будет драться до смерти. Так что он попятился из отверстия пещеры, рыча, и когда выбрался, закричал:

-Каждый пёс лает на своей земле! Посмотрим, что скажет Стая об этом воспитании человеческих детёнышей. Детёныш мой, и в конце концов он попадёт в мои зубы, о воры с пушистыми хвостами!

Мать-Волчица, пыхтя, бросилась к детёнышам, а Отец-Волк мрачно сказал ей:

-В одном Шерхан прав. Детёныша необходимо показать Стае. Ты всё равно оставишь его, Мать?

-Оставляю! – выдохнула она. – Он пришёл голый, ночью, один и очень голодный; и всё же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул в сторону одного из моих деток. А тот хромой мясник убил бы его и сбежал бы на Вайнгунгу, когда люди из местных деревень в отместку охотились бы на все наши логова! Оставляю? Естественно, я его оставляю. Лежи спокойно, лягушонок. Ах ты, Маугли – ведь я назову тебя Маугли Лягушкой – придёт время, когда ты будешь охотиться на Шерхана, как он охотился на тебя.

-Но что скажет наша Стая? – сказал Отец-Волк.

Закон Джунглей очень чётко гласит, что любой волк, когда женится, может уйти из Стаи, к которой он принадлежит. Но как только его волчата вырастут достаточно, чтобы стоять на ногах, он должен привести их на Совет Стаи, который обычно проводится раз в месяц, в полнолуние, чтобы о них могли узнать другие волки. После этого совета волчата могут бегать, где хотят, и пока они не убили своего первого оленя, никакое оправдание не принимается, если одного из них убьёт взрослый волк из Стаи. В наказание убийца будет убит

на месте; и если вы на минуту задумаетесь, то поймёте, что так и должно быть.

Отец-Волк подождал, когда его детёныши немного научатся бегать, а потом, в ночь Встречи Стаи, повёл их, и Маугли, и Мать-Волчицу на Скалу Совета – холм, покрытый камнями и булыжниками, где могла бы спрятаться сотня волков. Акела, большой серый Волк-Одиночка, который был первым во всей Стае по силе и хитрости, лежал на своей скале во весь рост, а под ним сидели сорок или больше волков всех размеров и цветов, от белых ветеранов, которые могли справиться с оленем в одиночку, до молодых чёрных трёхлеток, которые думали, что могут. Волк-Одиночка возглавлял их уже год. В молодости он дважды падал в волчьи ямы, а однажды его избили и оставили умирать; так что он знал методы и привычки людей. Разговаривали на Скале очень мало. Волчата натыкались друг на друга в центре круга, где сидели их матери и отцы, и то и дело кто-нибудь из старших волков тихо подходил к волчонку, внимательно на него смотрел и на бесшумных лапах возвращался на своё место. Иногда мать подталкивала своего волчонка подальше, к свету луны, чтобы убедиться, что его не проглядят. Акела со своей скалы кричал:

-Вы знаете Закон – вы знаете Закон. Смотрите лучше, о волки!

И его крик подхватывали беспокойные матери:

-Смотрите – смотрите лучше, о волки!

И наконец – когда пришло время, у Матери-Волчицы встала дыбом шерсть на шее – Отец-Волк подтолкнул «Маугли Лягушку», как они его называли, в центр, где тот сел, смеясь и играя с какими-то камешками, блестящими в свете луны.

Акела даже не оторвал голову от своих лап, а продолжал монотонно кричать:

-Смотрите лучше!

Из-за скал раздался приглушённый рык – голос Шерхана, кричавшего:

-Этот детёныш мой. Отдайте его мне. Что Свободному Народу делать с человеческим детёнышем?

Акела даже ушами не шевельнул. Он лишь сказал:

-Смотрите лучше, о волки! Что Свободному Народу делать с приказами кого-то, кроме Свободного Народа?

Раздался хор низкого рычания, и молодой волк, которому шёл четвёртый год, опять бросил Акеле вопрос Шерхана:

-Что Свободному Народу делать с человеческим детёнышем?

Закон Джунглей гласит, что если есть сомнения в праве детёныша быть принятым в Стаю, за него должны заступиться как минимум два члена Стаи, которые не являются его отцом и матерью.

-Кто заступает за этого детёныша? – сказал Акела. – Кто из Свободного Народа заступает? – Ответа не было, и Мать-Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для неё последним, если дойдёт до драки.

Потом единственное постороннее существо, которое пускают на Совет Стаи – Балу, сонный бурый медведь, который учит волчат Закону Джунглей, старый Балу, который может приходить и уходить, куда захочет, потому что ест только орехи, корешки и мёд – встал со своей задней части и заворчал.

-Человеческий детёныш – человеческий детёныш? – сказал он. – Я заступаюсь за человеческого детёныша. В человеческом детёныше нет ничего плохого. Я плохой оратор, но я говорю правду. Пусть он бегаёт со Стаей и вступает вместе с другими. Я сам обучу его.

-Нам нужен ещё один, - сказал Акела. – Балу заступился, а он – учитель наших юных детей. Кто, кроме Балу, заступается?

В круг упала чёрная тень.

Это был Багира, Чёрная Пантера, чёрный с ног до головы, но с отметиной пантеры, видимой при определённом свете, как узор муара. Багиру все знали, и никто не вставал у него на пути; ведь он был хитёр, как Табаки, отважен, как дикий буйвол, и безрассуден, как раненый слон. Но у него был голос, мягкий, как дикий мёд, капающий с дерева, и кожа мягче пуха.

-О Акела, и вы, Свободный Народ, - мурлыкал он, - у меня нет прав на вашем собрании, но в Законе Джунглей сказано, что если в отношении нового детёныша есть сомнения, являющиеся вопросом жизни и смерти, жизнь того детёныша может быть выкуплена. И в Законе не сказано, кому можно платить этот выкуп, а кому нельзя. Я прав?

-Хорошо! Хорошо! – сказали молодые волки, которые всегда голодны. – Слушайте Багиру. Детёныш может быть выкуплен. Это Закон.

-Зная, что у меня нет права говорить здесь, я прошу вашего позволения.

-Говори же, - закричало двадцать голосов.

-Убивать голого детёныша – позор. Кстати, когда он подрастёт, он может стать для вас более достойной добычей. Балу заступился за него. Теперь к слову Балу я добавлю одного быка, жирного, только что убитого, за полкилометра отсюда, если вы примете человеческого детёныша в соответствии с Законом. Это нетрудно?

Раздался громкий гул голосов, говоривших:

-Какая разница? Он умрёт от зимних дождей. Он сгорит на солнце. Что нам может сделать голая лягушка? Пусть он бегают со стаей. Где бык, Багира? Пусть он будет принят.

А потом раздался низкий вой Акелы, кричавшего:

-Смотрите лучше – смотрите лучше, о волки!

Маугли всё ещё очень интересовали камешки, и он не заметил волков, которые подошли один за другим и посмотрели на него. Наконец, они все ушли с холма за мёртвым быком, и остались только Акела, Багира, Балу и

волки самого Маугли. В ночи всё ещё рычал Шерхан, ведь он был очень сердит, что Маугли не передали ему.

-Эх, рычи, пока можешь, - сказал Багира себе под нос, - ведь придёт время, когда эта голая тварь заставит тебя рычать по-другому, или я ничего не знаю о человеке.

-Это было хорошо, - сказал Акела. - Люди и их детёныши очень мудры. Со временем он сможет нам помогать.

-Правильно, помогать в трудные времена; ведь никто не может надеяться, что будет возглавлять Стаю вечно, - сказал Багира.

Акела ничего не сказал. Он думал о том времени, которое приходит к каждому вожаку каждой стаи, когда сила покидает его и он становится всё слабее и слабее, пока, наконец, не будет убит волками и не придёт новый вожак - который, в свою очередь, будет убит.

-Уведи его, - сказал он Отцу-Волку, - и обучи его так, как подобает Свободному Народу.

И вот так Маугли вступил в волчью стаю Сиони ценой быка и доброго слова Балу.

Теперь вы должны смириться с пропуском десяти или одиннадцати полных лет и лишь догадываться обо всей чудесной жизни, которую Маугли вёл среди волков, потому

что если её описать, она займёт слишком много книг. Он вырос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками, когда он был ещё ребёнком. И Отец-Волк обучал его своему делу и рассказывал о смысле происходящего в джунглях до тех пор, пока каждый шорох в траве, каждый вздох в тёплом ночном воздухе, каждый крик сов над головой, каждый скрип ногтей летучей мыши, задремавшей на дереве, и каждый плеск каждой маленькой рыбы, прыгающей в озере, не стал значить для него столько же, сколько для бизнесмена значит работа в кабинете. Когда он не учился, то сидел на солнце и спал, и ел, и снова шёл спать. Когда он чувствовал, что испачкался или ему жарко, он плавал в лесных озёрах; а когда он хотел мёда (Балу рассказал ему, что есть мёд и орехи так же приятно, как сырое мясо), он забирался за ним на деревья, а как это делать, ему показал Багира. Багира лежал на ветке и кричал: «Сюда, Маленький Брат», - и сначала Маугли хватался, как ленивец, но потом он стал скакать по веткам почти так же бесстрашно, как серая обезьяна. Когда собиралась Стая, он тоже занимал своё место на Скале Совета, и там он обнаружил, что если он устанет в упор на любого волка, волк будет вынужден опустить глаза, и поэтому когда-то он смотрел им в глаза для развлечения. Иногда он вытаскивал длинные колючки из лап своих друзей, ведь волки ужасно страдают от колючек и шипов в их шкурах. К ночи он спускался с холма в возделанные земли и очень любопытно смотрел на жителей деревни в их хижинах, но он не доверял людям, потому что Багира показал ему квадратный ящик с падающей дверью, так хитро спрятанный в джунглях, что он чуть не вошёл в него, и сказал ему, что это ловушка. Больше всего ему нравилось уходить с Багирой в тёмную тёплую чащу леса, лениво спать весь день, а по ночам смотреть, как Багира убивает. Когда Багира был голоден, он убивал направо и налево, и Маугли тоже – за одним исключением. Как только он достаточно подрос, чтобы это понять, Багира сказал ему, что он никогда не должен трогать скот, потому что он вступил в Стаю ценой жизни быка.

-Все джунгли твои, - сказал Багира, - и ты можешь убивать всё, что способен убить; но ради быка, выкупившего тебя, ты никогда не должен убивать или есть скот, молодой или старый. Это Закон Джунглей. – Маугли верно соблюдал его.

И он рос и становился сильным, как должен расти мальчик, который не знает, что чему-то учится и которому не о чем думать, кроме как о еде.

Один или два раза Мать-Волчица говорила ему, что такому существу, как Шерхан, доверять нельзя и что однажды он должен будет убить Шерхана. Но, хотя молодой волк вспоминал бы этот совет каждый час, Маугли его забыл, потому что был лишь мальчиком – хотя он называл бы себя волком, если бы умел говорить на каком-нибудь человеческом языке.

Шерхан вечно вставал на его пути в джунглях, ведь, пока Акела старел и слабел, хромой тигр завёл большую дружбу с молодыми волками, которые ходили за ним ради объедков, чего Акела в жизни не позволил бы, если бы посмел в большей мере использовать свою власть. Там Шерхан им льстил и удивлялся, что такие прекрасные молодые охотники смирились с тем, что их возглавляют умирающий волк и человеческий детёныш.

-Мне рассказывают, - говорил Шерхан, - что на Совете вы не смеееете смотреть ему в глаза. – И молодые волки рычали и злились.

Багира, у которого глаза и уши были повсюду, кое-что из этого знал, и один или два раза он очень долго объяснял Маугли, что Шерхан однажды убьёт его. Маугли смеялся и отвечал:

-У меня есть Стая, и у меня есть ты; и Балу, хотя он так ленив, может нанести за меня пару ударов. Зачем мне бояться?

Был очень тёплый день, когда Багире пришла в голову новая мысль – рождённая из того, что он слышал. Возможно, ему рассказал дикобраз Икки; но, когда они были в глубине джунглей и мальчик лежал, положив голову на красивую чёрную кожу Багиры, он сказал Маугли:

-Маленький Брат, сколько раз я тебе говорил, что Шерхан – твой враг?

-Столько раз, сколько орехов на той пальме, - сказал Маугли, который, естественно, не умел считать. – Что с того? Я спать

хочу, Багира, а у Шерхана только длинный хвост и громкий голос – как у павлина Мао.

-Но сейчас не время спать. Это знает Балу; это знаю я; это знает стая; и знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил тебе.

-Хо-хо! – сказал Маугли. – Табаки недавно приходил ко мне с грубым разговором о том, что я – голый человеческий детёныш и недостоин даже выкапывать каштаны. А я поймал Табаки за хвост и дважды врезал им по пальме, чтобы научить его хорошим манерам.

-Это было глупо, ведь, хотя Табаки – обманщик, он сказал бы тебе то, что сильно обеспокоило бы тебя. Раскрой глаза, Маленький Брат. Шерхан не смеет убить тебя в джунглях. Но помни, Акела очень стар, и скоро придёт день, когда он не сможет убить своего оленя, и тогда он уже не будет вожаком. Многие волки, которые смотрели на тебя, когда тебя впервые привели на Совет, тоже состарились, а молодые волки считают, как им сказал Шерхан, что человеческому детёнышу не место в Стае. Вскоре ты будешь мужчиной.

-А почему мужчина не должен бегать со своими братьями? – сказал Маугли. – Я родился в джунглях. Я подчиняюсь Закону Джунглей, и среди наших нет ни одного волка, из чьих лап я бы не вытащил колючку. Конечно, они мои братья!

Багира вытянулся в полный рост и прикрыл глаза.

-Маленький Брат, - сказал он, - потрогай, что у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную коричневую руку и прямо под мягким подбородком Багиры, где огромные волнистые мускулы были скрыты блестящими волосами, нащупал маленькую плешинку.

-Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу этот знак – знак ошейника; и всё же, Маленький Брат, я родился среди людей, и среди людей умерла моя мать – в клетках королевского дворца Удипора. Поэтому я выкупил тебя на Совете, когда ты был маленьким голым детёнышем. Да, я тоже родился среди людей. Я не видел джунглей. Меня кормили из-за решётки с железной сковороды, пока однажды

ночью я не почувствовал, что я Багира – Пантера – а не человеческая игрушка, и я одним ударом лапы разбил глупый замок и убежал. А поскольку я знаю нравы людей, я стал в джунглях ужаснее, чем Шерхан. Не так ли?

-Да, - сказал Маугли, - все джунгли боятся Багиры – все, кроме Маугли.

-Ох, ты – человеческий детёныш, - сказал Чёрная Пантера очень ласково. – И так же, как я вернулся в свои джунгли, ты в конце концов должен будешь вернуться к людям – к людям, которые являются твоими братьями – если тебя не убьют на Совете.

-Но зачем – зачем кому-то желать моей смерти? – сказал Маугли.

-Посмотри на меня, - сказал Багира. И Маугли неотрывно посмотрел ему в глаза. Через полминуты большая пантера отвернулась.

-Вот зачем, - сказал он, проводя лапой по листьям. – Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а я родился среди людей, и я люблю тебя, Маленький Брат. Другие ненавидят тебя за то, что не могут смотреть тебе в глаза; за то, что ты мудр; за то, что ты вытаскивал колючки из их лап – за то, что ты человек.

-Этого я не знал, - угрюмо сказал Маугли и нахмурил свои большие чёрные брови.

-Каков Закон Джунглей? Сначала бей, а потом говори. По твоей крайней легкомысленности они знают, что ты человек. Но будь мудрым. Я сердцем чувствую, что когда Акела в следующий раз промахнётся – а ему на каждой охоте всё труднее настичь оленя – Стая восстанет против него и против тебя. Они устроят Совет джунглей на Скале, а потом – а потом – придумал! – сказал Багира, подскочив. – Быстро спускайся к человеческим хижинам в долине и возьми немного Красного Цветка, который они там выращивают, чтобы, когда придёт время, у тебя был друг сильнее, чем я, Балу или те в Стае, кто любит тебя. Достань Красный Цветок.

Под Красным Цветком Багира имел в виду огонь, только ни одно существо в джунглях не назовёт огонь его настоящим

именем. Каждый зверь живёт в смертельном страхе перед ним и придумывает сотню способов описать его.

-Красный Цветок? – сказал Маугли. – Он растёт возле их хижин в сумерки. Я достану немного.

-Вот слова человеческого детёныша, - гордо сказал Багира. – Помни, что он растёт в маленьких горшках. Быстро достань один и держи его при себе на всякий случай.

-Хорошо! – сказал Маугли. – Я иду. Но уверен ли ты, о мой Багира... - он обнял одной рукой великолепную шею и посмотрел прямо в его большие глаза, - ...уверен ли ты, что всё это устроил Шерхан?

-Клянусь разбитым замком, освободившим меня, я уверен, Маленький Брат.

-Тогда, клянусь быком, который меня выкупил, я сполна отплачу Шерхану за это, и, возможно, станет чуть легче, - сказал Маугли и ушёл.

-Вот человек. Вот это – человек, - сказал Багира сам себе, снова ложась. – Ох, Шерхан, не было охоты хуже, чем эта твоя лягушачья охота десять лет назад!

Маугли был далеко в лесу, бежал со всех ног, и сердце в нём пылало. Он пришёл в пещеру, когда поднялась вечерняя дымка, и перевёл дыхание, и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было, но Мать-Волчица в глубине пещеры поняла по его дыханию, что её лягушку что-то беспокоит.

-Что случилось, сын? – спросила она.

-Какая-то летучая мышь болтает о Шерхане, - крикнул он в ответ. – Сегодня я охочусь среди распаханых полей, - и он бросился вниз сквозь кусты к потоку внизу долины. Там он задержался, потому что услышал вой охотящейся Стаи, услышал вопль загнанного замбара и пыхтение, когда олень завертелся в тупике. Потом раздался злобный, мрачный вой молодых волков:

-Акела! Акела! Пусть Волк-Одиночка покажет свою силу. Дорогу вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Должно быть, Волк-Одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал щелчок его зубов, а потом – вой, когда замбар сбил его передней ногой.

Дальше он ждать не стал, а бросился дальше; и вопли за ним становились тише, а он бежал в деревенские уголья.

-Багира говорил правду, - пропыхтел он, усаживаясь в каком-то фураже для скота у окна хижины. – Завтра решится как судьба Акелы, так и моя.

Потом он прижался лицом к окну и стал смотреть на огонь в очаге. Он увидел, как жена земледельца встала и накормила огонь чёрными комьями. А когда пришло утро и туман стал белым и холодным, он увидел, как ребёнок человека взял плетённый горшок, заделанный землёй изнутри, наполнил его кусками раскалённого докрасна древесного угля, положил его под своё покрывало и вышел ухаживать за коровами в коровнике.

-Это всё? – сказал Маугли. – Если это может делать детёныш, бояться нечего. – Так что он зашёл за угол, встретился с этим мальчиком, взял из его руки горшок и исчез в тумане, пока мальчик выл от страха.

-Они очень похожи на меня, - сказал Маугли, дуя в горшок, как и женщина, которую он видел. – Эта штука умрёт, если я не буду её кормить, - и он опустил на красную штуку сучья и высушенную кору. На полпути к вершине холма он встретил Багиру, у которого на шкуре, словно лунные камни, сияла утренняя роса.

-Акела промахнулся, - сказала пантера. – Его убили бы этой ночью, но им нужен ещё и ты. Они искали тебя на холме.

-Я был на распаханых полях. Я готов. Смотри! – Маугли поднял горшок с огнём.

-Хорошо! Так, я видел, как люди суют в эту штуку сухую ветку и Красный Цветок расцветает на её конце. Ты не боишься?

-Нет. Зачем мне бояться? Я теперь помню – если это не сон – как ещё до того, как я стал волком, я лежал рядом с Красным Цветком, и он был тёплым и приятным.

Весь этот день Маугли сидел в пещере, ухаживая за своим горшком с огнём и окуная в него сухие ветки, чтобы посмотреть, как они будут выглядеть. Он нашёл подходящую ветку, и вечером, когда Табаки пришёл в пещеру и грубо сказал ему, что его вызывают на Скалу Совета, он смеялся, пока Табаки не убежал. Потом Маугли пошёл на Совет, всё ещё смеясь.

Акела, Одинокый Волк, лежал рядом со своей скалой в знак того, что место вожака Стаи свободно, а Шерхан со своей свитой из волков, питавшихся объедками, ходил взад-вперёд, в открытую осыпаясь лестью. Багира лежал рядом с Маугли, а на коленях у Маугли был горшок с огнём. Когда они все собрались вместе, Шерхан заговорил первым – он не решился бы на это, когда Акела был в расцвете сил.

-Он не имеет права, - прошептал Багира. – Скажи это. Этот сукин сын испугается.

Маугли вскочил.

-Свободный Народ, - крикнул он, - разве Шерхан – вожак Стаи? Почему нас хочет возглавить тигр?

-Я вижу, что место вожака ещё свободно, и меня попросили высказаться... - начал Шерхан.

-Кто? – сказал Маугли. – Разве мы все – шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим скоторезом? Вожаком Стаи может быть только кто-то из Стаи.

Раздались крики:

-Молчи, человеческий детёныш!

-Пусть говорит. Он соблюдает наш Закон.

И, наконец, старейшины Стаи прогремели:

-Пусть говорит Мёртвый Волк. – Когда вожак Стаи промахивается на охоте, его зовут Мёртвым Волком в течение недолгого остатка его жизни.

Акела устало поднял свою старую голову:

-Свободный Народ, и вы, шакалы Шерхана, двенадцать сезонов я водил вас на охоту и обратно, и за это время никто не был пойман в ловушку или искалечен. Теперь я

промахнулся на охоте. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, как вывели меня на молодого оленя, чтобы о моей слабости стало известно. Это было сделано умно. Теперь убить меня здесь, на Скале Совета – ваше право. Поэтому я спрашиваю, кто подойдёт и прикончит Волка-Одиночку? Ведь по Закону Джунглей моё право – чтобы вы подходили по одному.

Раздался долгий шёпот, ведь ни один волк не хотел драться с Акелой до смерти. Потом Шерхан сказал:

-Ба! Зачем нам этот беззубый дурак? Он обречён на смерть! Это человеческий детёныш слишком долго живёт. Свободный Народ, он с самого начала был моим мясом. Отдайте его мне. Я устал от этой глупости с человеком-волком. Он десять сезонов беспокоит джунгли. Отдайте мне человеческого детёныша, иначе я всегда буду здесь охотиться и не дам вам ни одной косточки. Он человек, сын человека, и я до мозга костей его ненавижу!

Потом больше половины Стаи завопило:

-Человек! Человек! Что человеку делать с нами? Пусть он идёт к себе.

-И настроит против нас всех людей в деревне? – прокричал Шерхан. – Нет, отдайте его мне. Он человек, и никто из нас не может посмотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

-Он ел нашу пищу. Он спал вместе с нами. Он загонял нам добычу. Он не нарушил ни слова из Закона Джунглей.

-А я ещё и заплатил за него быком, когда его приняли. Цена быка невелика, но честь Багиры – это то, за что он, возможно, будет сражаться, - сказал Багира своим самым мягким голосом.

-Бык был заплачен десять лет назад! – зарычала Стая. – Какое нам дело до десятилетних костей?

-Или до просьбы? – сказал Багира, обнажив под своей губой белые зубы. – Тоже мне Свободный Народ!

-Ни один человеческий детёныш не может бегать с народом джунглей, - завыл Шерхан. – Отдайте его мне!

-Он наш брат во всём, кроме крови, - продолжал Акела, - а вы хотите его убить! По правде говоря, я живу слишком долго. Одни из вас поедают скот, а о других я слышал, что вы по совету Шерхана приходите тёмной ночью и воруете детей с деревенских порогов. Поэтому я знаю, что вы трусы, и обращаюсь к трусам. Я, конечно, должен умереть, и моя жизнь не имеет ценности, иначе бы я предложил её вместо человеческого детёныша. Но ради чести Стаи, - которая будет значить немного без вожака, которого вы забудете, - я обещаю, что если вы позволите человеческому детёнышу уйти к себе, я не обнажу против вас ни одного зуба, когда мне придёт время умирать. Я умру, не сражаясь. Это спасёт Стае как минимум три жизни. Большого я не могу сделать; но если вы согласитесь, я смогу избавить вас от позора убийства брата, который ни в чём не виноват - брата, за которого заступились и приняли в Стаю по Закону Джунглей.

-Он человек - человек - человек! - рычала Стая. И большинство волков начало собираться вокруг Шерхана, который начал вилять хвостом.

-Теперь всё в твоих руках, - сказал Багира Маугли. - Мы можем лишь драться.

Маугли встал на ноги - держа в руках горшок с огнём. Потом он потянулся и зевнул в лицо Совету; но его распирали ярость и печаль, ведь, как принято у волков, волки так и не сказали ему, как они его ненавидят.

-Слушайте, вы! - крикнул он. - Хватит этой собачьей брехни. Вы сегодня столько раз говорили мне, что я человек (а я, вообще-то, хотел до конца жизни остаться волком, как и вы), и я чувствую, что ваши слова правдивы. Поэтому теперь я называю вас не братьями, а подлыми собаками, как и должен человек. Что вы будете делать, а что не будете - говорить не вам. Это решать мне; и, чтобы нам было яснее видно моё решение, я, человек, принёс сюда немного Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь.

Он бросил горшок с огнём на землю, и несколько красных углей зажгли заросли высохшего мха, который загорелся, и весь Совет в ужасе отступил перед пляшущим пламенем.

Маугли сунул в огонь свою мёртвую ветку, чтобы её сучья загорелись и затрещали, и крутанул ею над головой среди съёжившихся волков.

-Ты хозяин, - сказал Багира, понизив голос. – Спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Акела, мрачный старый волк, который ни разу в жизни не просил пощады, один раз жалобно посмотрел на Маугли, а мальчик стоял, совершенно голый, длинные чёрные волосы развевались за его плечами в свете пылавшей ветки, от которой прыгали и дрожали тени.

-Хорошо! - сказал Маугли, медленно озираясь. – Я вижу, что вы – собаки. Я ухожу от вас к своему народу – если он станет моим народом. Джунгли для меня закрыты, и я должен забыть вашу речь и вашу компанию. Но я буду великодушнее вас. Поскольку я был вашим братом во всём, кроме крови, я обещаю, что, когда стану человеком среди людей, не предаю вас людям так, как вы предали меня. – Он пнул огонь ногой, и взлетели искры. – В Стае не будет войны между нами. Но вот долг, который я верну прежде, чем уйти. – Он прошёл вперёд, туда, где сидел и тупо моргал, глядя на пламя, Шерхан, и поймал его за мех на подбородке. За ним на всякий случай прошёл Багира. – Встать, собака! – крикнул Маугли. – Встать, когда говорит человек, или я подожгу эту шкуру!

Уши Шерхана были прижаты к его затылку, и он зажмурился, потому что горящая ветка была очень близко.

-Этот убийца скота сказал, что убьёт меня на Совете, потому что не убил меня, когда я был детёнышем. Вот так мы бьём собак, когда становимся мужчинами. Шевельнётся усом, Лангри, и я тебе этот Красный Цветок в глотку засуну! – Он ударил Шерхана веткой по голове, и тигр завыл и заскулил в агонии страха.

-Тьфу! Палёный кот из джунглей – уходи! Но помни, когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, как приходит человек, на моей голове будет шкура Шерхана. Остальным скажу: Акела волен жить, как ему захочется. Вы его не убьёте, потому что это моя воля. И я не думаю, что вы будете и дальше сидеть тут, выкатив языки, как будто вы кто-то, а не собаки, которых я гоню – вот так! Уходите! – Огонь на конце

ветки яростно горел, и Маугли бил направо и налево, и волки, завывая, убегали, когда их мех поджигали искры. Наконец, остались только Акела, Багира и примерно десять волков, которые встали на сторону Маугли. Потом у Маугли внутри что-то начало болеть, и он перевёл дыхание и всхлипнул, и по его лицу побежали слёзы.

-Что это? Что это? – сказал он. – Я не желаю уходить из джунглей и не знаю, что это такое. Я умираю, Багира?

-Нет, Маленький Брат. Это лишь слёзы, которые проливают люди, - сказал Багира. – Теперь я знаю, что ты уже не человеческий детёныш, а человек. Отныне джунгли действительно закрыты для тебя. Пусть падают, Маугли. Это лишь слёзы. – И Маугли сел и заплакал так, как будто у него сейчас разобьётся сердце, и плакал он впервые в жизни.

-Теперь, - сказал он, - я пойду к людям. Но сначала я должен попрощаться со своей матерью. – И он пошёл в пещеру, где жили она и Отец-Волк, и плакал в её шкуру, пока четверо волчат жалобно выли.

-Вы меня не забудете? – сказал Маугли.

-Нет, пока можем брать след, - сказали волчата. – Когда станешь человеком, приходи к подножью холма, и мы с тобой поговорим; а мы будем по ночам приходить в уголья и играть с тобой.

-Приходи скорее! – сказал Отец-Волк. – Ох, мудрый лягушонок, возвращайся скорее; ведь мы, твоя мать и я, старые.

-Приходи скорее, - сказала Мать-Волчица, - мой маленький голый сын. Слушай, сын человека, ведь я любила тебя даже больше, чем своих детей.

-Я, конечно, приду, - сказал Маугли. – И приду я, чтобы положить шкуру Шерхана на Скале Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы никогда меня не забывали!

Начинался рассвет, когда Маугли в одиночестве пошёл вниз по холму, навстречу таинственным существам под названием люди.

Глава вторая. Охота Каа

Всё, о чём рассказано здесь, случилось до того, как Маугли был изгнан из волчьей стаи Сиони или отомстил за себя тигру Шерхану. Это было в те дни, когда Балу учил его Закону Джунглей.

Большой, серьёзный, старый бурый медведь был в восторге от такого способного ученика, ведь молодые волки учат только ту часть Закона Джунглей, которая касается их собственной стаи и племени, и убегают, как только выучат наизусть Охотничий Стих: «Лапы, что не шумят; глаза, что видят в темноте; уши, что слышат ветер в логовах, и острые белые зубы – всё это признаки наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, человеческому детёнышу, пришлось выучить гораздо больше. Иногда из джунглей лениво приходил чёрная пантера Багира, чтобы посмотреть, как справляется его любимец, и урчал, прислонив голову к дереву, пока Маугли по памяти пересказывал Балу сегодняшний урок. Мальчик умел лазать почти так же хорошо, как плавать, а плавать – почти так же хорошо, как бегать. Поэтому Балу, Учитель Закона, учил его Законам Леса и Воды: как отличить гнилую ветку от крепкой;

как вежливо разговаривать с дикими пчёлами, когда натыкаешься на их улей на пятнадцатиметровой высоте; что говорить летучей мышью Мэнгу, когда беспокоишь его в ветвях в полдень, и как предупреждать водных змей в озёрах, прежде чем плюхаться среди них. Никто из Народа Джунглей не любит, когда его беспокоят, и все с готовностью набрасываются на чужака. Потом Маугли научили ещё и Охотничьему Зову Странников, который необходимо повторять, пока не ответят, если кто-то из Народа Джунглей охотится не на своей территории. В переводе он означает: «Позвольте мне здесь охотиться, потому что я голоден». А ответ такой: «Тогда охоться ради пищи, но не ради удовольствия».

Из всего этого вы поймёте, сколько Маугли должен был выучить наизусть, и он очень уставал говорить по сто раз одно и то же. Но, как сказал Балу Багире однажды, когда Маугли был связан и в гневе убежал: «Человеческий детёныш есть человеческий детёныш, и он должен выучить весь Закон Джунглей».

-Но подумай о том, как он мал, - сказал Чёрная Пантера, который избаловал бы Маугли, будь его воля. - Как в его маленькой голове поместится вся твоя долгая болтовня?

-А в джунглях есть что-то слишком маленькое, чтобы его убивать? Нет. Поэтому я и учу его этим вещам, и поэтому я очень мягко шлёпаю его, когда он забывает.

-Мягко! Что ты знаешь о мягкости, старый Железнодорожник? - проворчал Багира. - У него сегодня всё лицо в синяках из-за твоей - мягкости. Ух.

-Пусть лучше он будет с головы до ног в синяках из-за меня, который его любит, чем пострадает из-за незнания, - очень серьёзно ответил Балу. - Я сейчас учу его Главным Словам Джунглей, которые защитят его от птиц, и Народа Змей, и всех, кто охотится на четырёх лапах, кроме его собственной стаи. Он теперь может попросить защиты у всех джунглей, если только вспомнит слова. Не стоит ли это небольшой трёпки?

-Ну, тогда смотри не убей этого человеческого детёныша. Он не ствол дерева, чтобы точить твои тупые когти. Но что это за

Главные Слова? Я скорее окажу помощь, чем попрошу о ней... - Багира вытянул одну лапу и полюбовался синевато-стальными когтями, острыми, как зубила, на её конце, - ...и всё равно мне хотелось бы знать.

-Я позову Маугли, и он их скажет - если захочет. Подойди, Маленький Брат!

-У меня в голове гудит, как на дереве с пчёлами, - обиженно сказал тихий голос над их головами, и Маугли съехал по стволу дерева, очень сердитый и возмущённый, добавив, когда достиг земли: - Я пришёл за Багирой, а не за тобой, толстый старый Балу!

-Мне всё равно, - сказал Балу, хотя он был уязвлён и обижен. - Тогда скажи Багире Главные Слова Джунглей, которым я научил тебя сегодня.

-Главные Слова какого народа? - сказал Маугли, радуясь случаю показать себя. - У джунглей много языков. Я знаю их все.

-Кое-что ты знаешь, но немного. Видишь, о Багира, они никогда не благодарят своего учителя. Ни один маленький

волчонок ещё не приходил поблагодарить старого Балуга за его уроки. Тогда скажи эти слова для Народа Охотников – великий ученик.

-Мы с вами одной крови, вы и я, - сказал Маугли, придав словам медвежий акцент, который использует весь Народ Охотников.

-Хорошо. Теперь для птиц.

Маугли повторил, в конце предложения свистнув, как коршун.

-Теперь для Народа Змей, - сказал Багира.

Ответом было идеальное неопишваемое шипение, и Маугли затопал ногами, хлопнул в ладоши, аплодируя себе, и прыгнул Багире на спину, где сел боком, барабаня пятками по блестящей коже и строя Балуга самые ужасные гримасы, какие мог придумать.

-Но-но! Это стоило небольшого синяка, - ласково сказал бурый медведь. – Однажды ты меня вспомнишь. – Потом он повернулся рассказать Багире, как он выпрашивал Главные Слова у дикого слона Хатхи, который знает всё об этих вещах, и как Хатхи отвёл Маугли к озеру получить Слово Змей от водной змеи, потому что Балуга не умел его произносить, и как надёжно Маугли теперь защищён от всех неприятностей в джунглях, потому что ему не навредят ни змея, ни птица, ни зверь.

-Так что бояться некого, - заключил Балуга, с гордостью хлопнув себя по большому пушистому животу.

-Кроме его собственного племени, - сказал Багира шёпотом, а потом громко обратился к Маугли: - Тебе не жалко моих рёбер, Маленький Брат? К чему все эти танцы?

Маугли пытался обратить на себя внимание, дёргая Багиру за мех на плечах и сильно пиная его. Когда оба стали слушать его, он во весь голос кричал:

-И поэтому я должен иметь своё собственное племя и весь день водить его сквозь ветки.

-Что это за новая глупость, маленький мечтатель? – сказал Багира.

-Да, и бросаться ветками и грязью в старого Балугу, - продолжал Маугли. - Они мне это обещали. Ах!

-Ух! - Большая лапа Балуги сшибла Маугли со спины Багиры, и мальчик, лёжа между большими передними лапами, увидел, что медведь сердит.

-Маугли, - сказал Балуга, - ты говорил с Бандар-логами - Народом Обезьян.

Маугли посмотрел на Багиру, чтобы понять, сердится ли пантера, и взгляд у Багиры был твёрдый, как нефрит.

-Ты был с Народом Обезьян - серых обезьян - народом без закона - пожирателями всего. Это большой позор.

-Когда Балуга дал мне по голове, - сказал Маугли (он был всё ещё на спине), - я ушёл, а с деревьев спустились серые обезьяны и пожалели меня. Всем остальным было плевать. - Он тихо шмыгнул носом.

-Жалость Народа Обезьян! - фыркнул Балуга. - Спокойствие горного потока! Холод летнего солнца! А потом, человеческий детёныш?

-А потом, а потом они дали мне орехов и других лакомств и - и унесли меня на своих руках на верхушки деревьев и сказали, что я их кровный брат, только у меня хвоста нет, и что однажды я должен буду стать их вожаком.

-У них нет вожака, - сказал Багира. - Они врут. Они всегда вдали.

-Они были очень добры и ждут меня снова. Почему меня никогда не водили к Народу Обезьян? Они стоят на задних ногах, как и я. Они не бьют меня тяжёлыми лапами. Они весь день играют. Дайте мне встать! Плохой Балуга, дай встать! Я снова буду играть с ними.

-Слушай, человеческий детёныш, - сказал медведь, и его голос гремел в жаркой ночи, словно гром. - Я научил тебя Закону Джунглей для всех народов в джунглях - кроме Обезьяньего Народа, который живёт на деревьях. У них нет закона. Они - изгои. У них нет своей речи, они используют украденные слова, которые слышат, когда слушают, и пищат, и поджидают на ветках. Их нравы - не наши нравы. У них нет

вожаков. Они ничего не запоминают. Они хвастаются, болтают и притворяются, что они – великий народ, который сейчас займётся в джунглях великими делами, но стоит упасть ореху, как они начинают смеяться и всё забывают. Мы в джунглях не имеем дел с ними. Мы не пьём там, где пьют обезьяны; мы не ходим туда, куда ходят обезьяны; мы не охотимся там, где они охотятся; мы не умираем там, где они умирают. Ты когда-нибудь раньше слышал, чтобы я говорил о Бандар-логах?

-Нет, - сказал Маугли шёпотом, потому что теперь, когда Балу закончил, в лесу было очень тихо.

-Народ Джунглей не говорит и не думает о них. Они очень многочисленные, злые, грязные, бессовестные, и если у них есть какое-то постоянное желание, то они желают быть замеченными Народом Джунглей. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают нам в головы орехи и грязь.

Не успел он договорить, как с веток посыпался град из орехов и сучьев; и они услышали кашель, вой и сердитые прыжки высоко в воздухе, среди тонких веток.

-Народ Обезьян запрещён, - сказал Балу, - запрещён для Народа Джунглей. Запомни.

-Запрещён, - сказал Багира, - но я всё равно думаю, что Балу должен был предупредить тебя насчёт них.

-Я – я? Откуда мне было знать, что он станет играть с такой грязью. Народ Обезьян! Фу!

На их головы обрушился новый град, и оба ушли, взяв с собой Маугли. То, что Балу сказал об обезьянах, было чистой правдой. Они обитали на верхушках деревьев, и так как звери очень редко поднимают головы, у обезьян и Народа Джунглей не было повода вставать друг у друга на пути. Но, найдя больного волка, или раненого тигра, или медведя, обезьяны издевались над ним и бросались палками и орехами в любого зверя для удовольствия и в надежде, что их заметят. Потом они выли и вопили свои бессмысленные песни и приглашали Народ Джунглей забраться на их деревья и сразиться с ними или начинали между собой яростные битвы ни за что и оставляли мёртвых обезьян там, где их мог видеть Народ Джунглей. Они вечно собирались избрать вожака, но

никогда не избирали, потому что не запоминали вчерашний день, и поэтому пошли на компромисс, придумав поговорку: «О чём Бандар-логи думают сейчас, джунгли подумают позже», и это их сильно утешало. Ни один зверь не мог их достать, но, с другой стороны, ни один зверь не хотел их замечать, и поэтому им было так приятно, когда Маугли пришёл с ними играть, и они слышали, как сердился Балу.

Они не были намерены делать что-то ещё – Бандар-логи вообще не намерены что-то делать; но одному из них пришла в голову, как ему показалось, великолепная мысль, и он сказал остальным, что Маугли будет полезно оставить в племени, потому что он умеет сплести вместе ветки для защиты от ветра; поэтому, если они его поймают, то смогут заставить его научить их. Конечно, Маугли, сын дровосека, унаследовал всяческие инстинкты и иногда строил из упавших веток маленькие шалаши, не думая, где он этому научился. Народ Обезьян, наблюдавший с деревьев, считал его игру крайне чудесной. На этот раз, говорили они, они действительно выберут вожака и станут мудрейшим народом в джунглях – таким мудрым, что все остальные заметят их и будут завидовать. Поэтому они очень тихо следовали по джунглям за Балу, Багирой и Маугли, пока не пришло время полуденного сна, и Маугли, которому было очень стыдно за себя, заснул между пантерой и медведем, решив больше не иметь дел с Народом Обезьян.

Следующим, что он запомнил, было ощущение ладоней на его руках и ногах – жёстких, сильных, маленьких ладоней – а потом сильные удары ветками по лицу, а потом он устоял вниз, сквозь качавшиеся ветви, на то, как Балу будит джунгли своим низким криком, а Багира прыгает на ствол, обнажив все зубы. Бандар-логи торжествующе взвыли, и удрали на верхние ветки, куда не осмелился подняться Багира, и закричали:

-Он нас заметил! Багира нас заметил. Весь Народ Джунглей восхищается нашими навыками и нашей хитростью.

Потом они начали своё бегство; а бегство Народа Обезьян через деревья – это одна из тех вещей, которые не может описать никто. У них есть свои обычные дороги и перекрёстки, подъёмы и спуски, расположенные на высоте от

пятнадцати до двадцати одного метра, и по ним они могут передвигаться даже ночью, если необходимо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли под руки и шестиметровыми скачками помчались с ним через верхушки деревьев. Будь они одни, они могли бы идти вдвое быстрее, но вес мальчика их замедлял. Хотя у Маугли начались тошнота и головокружение, он не мог не восхищаться этой дикой беготнёй, хотя он пугался, когда видел землю далеко внизу, а от ужасной задержки и рывка в конце каждого скачка у него сердце к зубам подскакивало. Его сопровождающие поднимали его на дерево, пока он не чувствовал, как под ним трещат и сгибаются самые тонкие верхние ветки, а потом с кашлем и воплем бросались в воздух, вверх и вниз, и неожиданно останавливались, свисая на передних или задних лапах с нижних веток следующего дерева. Иногда он видел километры зелёных джунглей, как человек наверху мачты видит километры моря, а потом ветки и листья хлестали его по лицу, и он со своими двумя охранниками снова опускался чуть ли не к земле. Так, прыгая, треща, вопя и крича, по древесным дорогам несло всё племя Бандар-логов со своим пленником Маугли.

Какое-то время он боялся, что его уронят. Потом он рассердился, но знал, что бороться не стоит, и тогда он начал думать. Первым делом надо было связаться с Балу и Багирой, потому что он знал, что при таком темпе обезьян его друзья останутся далеко позади. Смотреть вниз было бесполезно, потому что он видел только кроны деревьев, так что он уставился вверх и увидел, как в далёкой синеве ровно кружит коршун Ранн, наблюдающий за джунглями и ожидающий, когда кто-нибудь умрёт. Ранн увидел, что обезьяны что-то несут, и опустился на несколько сотен метров узнать, съедобен ли их груз. Он удивлённо присвистнул, когда увидел, как Маугли затаскивают на верхушку дерева, и услышал, как тот кричит коршуну:

-Мы с тобой одной крови, ты и я. – Ветки волнами сомкнулись над мальчиком, но Ранн вовремя перелетел к следующему дереву, чтобы увидеть, как снова появляется маленькое коричневое лицо. – Возьми мой след! – закричал Маугли. – Передай Балу из стаи Сиони и Багире со Скалы Совета.

-От кого, брат? – Ранн никогда ещё не видел Маугли, хотя, конечно, слышал о нём.

-От Маугли Лягушки. Меня зовут человеческим детёнышем! Возьми мой сле-ед!

Последние слова он провизжал, пока его подбрасывали в воздух, но Ранн кивнул и поднимался, пока не стал похож на пылинку, и тогда он завис, зоркими глазами наблюдая за покачиванием верхушек деревьев, по которым неслись сопровождающие Маугли.

-Они никогда не заходят далеко, - сказал он, хихикнув. – Они никогда не делают того, что собирались делать. Вечно эти Бандар-логи хотят найти что-то новое. Если у меня есть глаза, то на этот раз они нашли себе беду, ведь Балу – не птенец, а Багира, насколько я знаю, может убивать не только козлов.

Так что он раскачивался на своих крыльях, поджав под себя лапы, и ждал.

Тем временем Балу и Багиру переполняли ярость и горе. Багира лазил так, как ещё никогда не лазил, но тонкие ветки ломались под его весом, и он соскальзывал с корой на когтях.

-Почему ты не предупредил человеческого детёныша? – зарычал он на бедного Балу, который побежал неуклюжей рысцой, надеясь догнать обезьян. – К чему было избивать его до полусмерти, если ты его не предупредил?

-Спешим! О, спешим! Мы – мы ещё можем их поймать! – пыхтел Балу.

-На такой скорости! Ты и раненую корову не догонишь. Учитель Закона – избивающий детей – через полтора километра такой беготни тебя вырвет. Сядь и подумай! Составь план. Гнаться некогда. Если мы подойдём слишком близко, они могут его уронить.

-Арррр! Ууух! Может, они уже устали его нести и уронили. Кто может доверять Бандар-логам? Дохлых летучих мышей мне на голову! Чёрные кости мне в рот! Суньте меня в улыи диких пчёл, чтобы меня зажалили до смерти, и похороните меня с гиенами, ведь я самый жалкий из медведей! Аррра! Ууууа! О, Маугли, Маугли! Почему я разбил тебе голову вместо того,

чтобы предостеречь от Обезьяньего Народа? Может, я уже выбил из его головы сегодняшний урок и он теперь в джунглях один без Главных Слов.

Балу прижал лапы к ушам и застонал, бегая взад-вперёд.

-По крайней мере, он не так давно правильно пересказал мне все эти Слова, - нетерпеливо сказал Багира. - Балу, у тебя нет ни памяти, ни уважения. Что подумают джунгли, если я, Чёрная Пантера, свернусь, как дикобраз Икки, и завою?

-Какая мне разница, что подумают джунгли? Может, он уже мёртв.

-Если они пока не сбросили его с ветвей ради развлечения и не убили его от скуки, я не боюсь за человеческого детёныша. Он мудр и хорошо обучен, и самое главное - у него глаза, которых боится весь Народ Джунглей. Но (и это очень плохо) он во власти Бандар-логов, а они, поскольку живут на деревьях, не боятся никого из нашего народа. - Багира задумчиво лизнул одну переднюю лапу.

-Ну и дурак же я! Ох, какой же я толстый бурый копающий корешки дурак, - сказал Балу, резко выпрямившись, - правду говорит дикий слон Хатхи: «Каждому свой страх»; а они, Бандар-логи, боятся горной змеи Каа. Он может лазить не хуже их. Он ворует молодых обезьян по ночам. От звуков его имени мёрзнут их мерзкие хвосты. Пойдём к Каа.

-Что он для нас сделает? Он не из нашего племени, безногий - и с очень злыми глазами, - сказал Багира.

-Он очень стар и очень хитёр. И главное, он всегда голоден, - с надеждой сказал Балу. - Пообещаем ему много козлов.

-Он спит целый месяц после того, как один раз поест. Может, он сейчас спит, и даже если нет, что, если он предпочтёт убивать козлов сам? - У Багиры, который знал о Каа немного, естественно, были подозрения.

-Ну в таком случае, возможно, мы с тобой, старый охотник, вместе заставим его увидеть смысл. - Тут Балу потёрся о пантеру своим тускло-бурым плечом, и они ушли искать горного питона Каа.

Они нашли его растянувшимся на тёплом выступе на послеобеденном солнце, восхищавшимся своей новой шкурой, потому что последние десять дней он отдыхал, меняя кожу, и теперь он был просто великолепен – его большая голова с тупым носом носилась по земле, а его девятиметровое тело извивалось в фантастических узлах и кривых, и он облизывал губы, думая, что ужин пришёл.

-Он ещё не ел, - облегчённо проворчал Балу, как только увидел красивую пятнистую коричнево-жёлтую шкуру. - Будь осторожен, Багира! Он всегда подслеповат после того, как поменяет кожу, а бьёт очень быстро.

Каа был не ядовитой змеей – вообще-то он сильно презирал ядовитых змей, считая их трусами – а его сила была в его объятиях, и когда он один раз обвивал кого-то своими огромными кольцами, всё уже было ясно.

-Доброй охоты! – крикнул Балу, садясь на корточки. Как и все змеи его породы, Каа был глуховат и не услышал его крик с первого раза. Потом он свернулся, опустив голову, готовый к любым неприятностям.

-Доброй охоты всем нам, - ответил он. - Ого, Балу, а что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Как минимум одному из нас нужна еда. Есть ли новости о грядущей охоте? Что

теперь – лань или же молодой олень? Я пуст, как высохший колодец.

-Мы охотимся, - беззаботно сказал Балу. Он знал, что Каа нельзя торопить. Он слишком большой.

-Разрешите мне отправиться с вами, - сказал Каа. – Для вас, Багира и Балу, неважно – одним ударом больше или меньше, но мне – мне приходится днями ждать и полночи забираться на дерево, надеясь на молодую обезьяну. Пшшш! Деревья уже не те, что были, когда я был молод. Там повсюду гнилые сучки и сухие ветви.

-Может, с этим как-то связан твой огромный вес, - сказал Балу.

-У меня приличная длина – приличная длина, - сказал Каа с лёгкой гордостью. – Но во всём этом виноват тот недавно выросший лес. Я чуть не упал на своей последней охоте – чуть-чуть не упал – и шум моего скольжения, поскольку мой хвост обернулся вокруг дерева непрочной, разбудил Бандар-логов, и они называли меня очень плохими словами.

-Безногим жёлтым земляным червяком, - сказал Багира себе под нос, как будто пытался что-то вспомнить.

-Ссссс! Они называли меня так? – сказал Каа.

-Они что-то такое кричали нам в прошлую луну, но мы не обратили на них внимания. Они говорят всякое – даже то, что ты потерял все свои зубы и нападаешь только на козлят, потому что (они и правда бесстыдные, эти Бандар-логи) – потому что ты боишься рогов взрослого козла, - милостиво продолжил Багира.

Змея, особенно осмотнительный старый питон вроде Каа, очень редко показывает свою злость, но Балу и Багира увидели, как дрожат и выступают большие глотательные мускулы по обе стороны от горла Каа.

-Бандар-логи перешли в другие места, - тихо сказал он. – Когда я сегодня выползал на солнце, я слышал, как они вопят на верхушках деревьев.

-Как – как раз за Бандар-логами мы сейчас и идём, - сказал Балу, но слова застряли у него в горле, ведь впервые на его

памяти кто-то из Народа Джунглей признался, что его интересуют дела обезьян.

-Без сомнения, два таких охотника – главные в своих джунглях, я бы сказал – идут по следу Бандар-логов по хорошей причине, – учтиво ответил Каа, которого распирало от любопытства.

-Вообще-то, – начал Балу, – я всего лишь старый и иногда очень глупый Учитель Закона у волчат Сиони, а Багира...

-Это Багира, – сказал Чёрная Пантера и с щелчком захлопнул челюсти, потому что не верил в такую скромность. – Беда вот в чём, Каа. Эти похитители орехов и пожиратели пальмовых листьев выкрали нашего человеческого детёныша, а котором ты, возможно, слышал.

-Я слышал от Икки (он из-за своих иголок самонадеянный) какие-то новости о человеческом существе, принятом в волчью стаю, но не поверил. У Икки полно историй, которые он не расслышал и плохо рассказывает.

-Но это правда. Такого человеческого детёныша никогда не было, – сказал Балу. – Самый лучший, самый мудрый и самый отважный из человеческих детёнышей – мой собственный ученик, который сделает имя Балу знаменитым в джунглях; и, кроме того, я – мы – любим его, Каа.

-Тс! Тс! – сказал Каа, покачивая головой. – Я тоже знал, что такое любовь. Я могу рассказать истории, которые...

-Которые мы все оценим ясной ночью, когда будем сыты, – быстро сказал Багира. – Наш человеческий детёныш сейчас в руках Бандар-логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

-Они боятся только меня. У них есть веская причина, – сказал Каа. – Болтливы, глупы, тщеславны – тщеславны, глупы и болтливы обезьяны. Им надоедают орехи, которые они срывают, и они бросают их вниз. Они по полдня таскают ветку, собираясь сделать с ней что-то грандиозное, а потом ломают её пополам. Этому человеческому существу не позавидуешь. А ещё они называли меня – «жёлтой рыбой», не так ли?

-Червяком – червяком – земляным червяком, - сказал Багира, - и другими словами, которые мне сейчас стыдно произносить.

-Мы должны им напомнить, чтобы не грубили своему хозяину. Ааа-ссп! Мы должны освежить их дырявую память. Так, куда они отправились с детёнышем?

-Одним джунглям известно. По-моему, на закат, - сказал Балу. – Мы думали, что ты знаешь, Каа.

-Я? Откуда? Я хватаю их, когда они встают на моём пути, но я не охочусь ни на Бандар-логов, ни на лягушек – ни на зелёную тину в канаве, если уж на то пошло.

-Вверх смотри! Вверх смотри! Эй! Эй! Эй, подними голову, Балу из волчьей стаи Сиони!

Балу посмотрел вверх, туда, откуда шёл голос, а там был коршун Ранн, слетавший вниз, у которого на поднятых краях крыльев сияло солнце. У Ранна уже приближался отбой, но он облетел все джунгли в поисках этого медведя и не заметил его в густых зарослях.

-Что такое? – сказал Балу.

-Я видел Маугли среди Бандар-логов. Он попросил меня рассказать тебе. Я наблюдал. Бандар-логи унесли его за реку к городу обезьян – к Холодным Логовам. Может, они останутся там на ночь, или на десять ночей, или на час. Я сказал летучим мышам, чтобы наблюдали в темноте. Вот моё сообщение. Доброй охоты вам всем!

-Сытной еды и глубокого сна тебе, Ранн, - крикнул Багира. – Убивая в следующий раз, я вспомню о тебе и отложу голову для тебя, о лучший из коршунов!

-Ничего. Ничего. Мальчик произнёс Главное Слово. Я не мог сделать меньшего, - и Ранн снова поднялся и полетел спать.

-Он не забыл использовать свой язык, - сказал Балу, гордо хихикнув. – Подумать только, такой молодой, и вспомнил Главное Слово для птиц, пока его тащили по деревьям!

-Должно быть, его в него крепко вбили, - сказал Багира. – Но я им горжусь, а теперь мы должны пойти к Холодным Логовам.

Они все знали, где это место, но туда редко ходил кто-то из Народа Джунглей, потому что то, что они называли Холодными Логовами, было старым заброшенным городом, затерянным и похороненным в джунглях, а звери редко пользуются местами, где когда-то жили люди. Дикий кабан – да, но племена охотников – нет. Кроме того, там жили обезьяны, если вообще можно было сказать, что они где-то живут, и ни одно уважающее себя животное не подойдёт туда на расстояние взгляда, разве что во время засухи, когда в полуразрушенных баках и резервуарах есть немного воды.

-Туда бежать полночи – на полной скорости, - сказал Багира, и Балу очень серьёзно посмотрел на него.

-Я побегу со всех ног, - нервно сказал он.

-Мы не станем тебя ждать. Иди за нами, Балу. Мы должны поторопиться – Каа и я.

-С ногами или без, я от твоих четырёх не отстану, - коротко сказал Каа. Балу один раз попробовал ускориться, но ему пришлось, пыхтя, сесть, так что они оставили его позади, а Багира быстрым галопом пантеры поспешил вперёд. Каа ничего не сказал, но, хотя Багира и старался, огромный горный питон от него не отставал. Когда они дошли до горного потока, Багира вырвался вперёд, потому что он перепрыгнул, а Каа переплыл, держа над водой голову и полметра шеи, но на суше Каа наверстал упущенное.

-Клянусь разбитым замком, освободившим меня, - сказал Багира, когда опустились сумерки, - ты ползаешь быстро!

-Я голоден, - сказал Каа. – Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

-Червяком – земляным червяком, и вдобавок жёлтым.

-Всё равно. Отправляемся дальше, - казалось, что Каа струится по земле, находя своими спокойными глазами кратчайший путь и держась его.

В Холодных Логовах Народ Обезьян думал совсем не о друзьях Маугли. Они принесли мальчика в Затерянный Город и были сейчас очень довольны собой. Маугли никогда раньше не видел индийских городов, и хотя этот был почти весь в руинах, он казался просто чудесным и великолепным. Его

давным-давно построил на вершине холма какой-то король. Ещё различались каменные проезды, ведущие к разрушенным воротам, где на старых ржавых петлях висели последние деревянные щепки. Деревья вращали в стены и росли из них; зубцы обрушились и рассыпались, а из окон башен на стенах густыми пучками свисали лианы.

Вершину холма венчал большой дворец без крыши, а мрамор дворов и фонтанов был разбит и покрыт красными и зелёными пятнами, а камни, мостившие двор, где когда-то жили королевские слоны, были вырваны и раздроблены травой и молодыми деревьями. Из дворца были видны многие ряды домов без крыш, из-за которых город был похож на пустые соты, заполненные чернотой; на площади, где пересекались четыре дороги – бесформенный кусок камня, который раньше был идолом; на углах улиц, где раньше стояли колодцы – ямы и вмятины, а у храмов – разбитые купола, из боков которых росли дикие фиги. Обезьяны называли это место своим городом и притворялись, что презирают Народ Джунглей, потому что тот живёт в лесу. И всё же они никогда не знали, для чего были построены эти здания или как ими пользоваться. Они садились в круг в зале королевского совета, вычёсывали блох и притворялись людьми; или же бегали по домам без крыш и собирали в углу куски штукатурки и старые кирпичи, и забывали, где их спрятали, и дрались и кричали шумными толпами, а потом останавливались и начинали играть на террасах королевского дворца, где трясли розовые кусты и апельсиновые деревья, чтобы посмотреть, не упадут ли фрукты и цветы. Они исследовали все ходы и тёмные туннели в этом месте и сотни маленьких тёмных комнат, но никогда не запоминали, что они увидели, а что – нет; а потом разгуливали по одному, по двое или толпами, рассказывая друг другу, что делают то же, что и люди. Они пили из баков, и от них вся вода становилась грязной, а потом они за неё дрались, а потом всей толпой уносились и кричали: «В джунглях нет никого, кто так мудр, и хорош, и умен, и силен, и знатен, как Бандар-логи». Потом всё это начиналось сначала, пока им не надоедал город и они не возвращались на верхушки деревьев, надеясь, что Народ Джунглей их заметит.

Маугли, которого обучали по Закону Джунглей, не любил и не понимал такую жизнь. Ближе к вечеру обезьяны затащили его в Холодные Логова и вместо того, чтобы лечь спать, как сделал бы Маугли после долгого путешествия, взялись за руки и начали танцевать и петь свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь и сказала своим компаньонам, что пленение Маугли ознаменовало в истории Бандар-логов нечто новое, ведь сейчас Маугли покажет им, как сплестать вместе палки и стебли, чтобы защищаться от дождя и холода. Маугли подобрал несколько лиан и начал работать с ними, и обезьяны попробовали повторить; но всего через несколько минут они потеряли интерес и начали дёргать друг друга за хвост или, кашляя, прыгать на всех четырёх лапах.

-Я хочу есть, - сказал Маугли. - Я не знаком с этой частью джунглей. Принесите мне еды или позвольте мне здесь охотиться.

Двадцать или тридцать обезьян ускакали принести ему орехи и дикую папайю. Но по дороге они устроили драку, и им оказалось слишком трудно вернуться с тем, что осталось от плодов. Маугли был раздражён, сердит и голоден и бродил по пустому городу, время от времени издавая Охотничий Зов Странника, но никто ему не отвечал, и Маугли почувствовал, что действительно попал в очень плохое место. «Всё, что сказал о Бандар-логах Балу - правда, - подумал он про себя. - У них нет ни Закона, ни Охотничьего Зова, ни вожаков - ничего, кроме глупых слов и маленьких ловких вороватых рук. Так что если я здесь умру от голода или буду убит, виноват буду только я сам. Но я должен попробовать вернуться в свои джунгли. Балу, конечно, будет меня бить, но это лучше, чем гоняться за глупыми розовыми листьями с Бандар-логами.»

Не успел он подойти к городской стене, как обезьяны его оттащили, сказав ему, что он не знает, насколько он счастлив, и начали его щипать, чтобы он был благодарен. Он сжал зубы и ничего не сказал, но пошёл с кричащими обезьянами на террасу над красными резервуарами из песчаника, до половины наполненными дождевой водой. В центре террасы была разрушенная беседка, построенная для королей, умерших сто лет назад. Куполообразная крыша наполовину обвалилась и заблокировала подземный проход

из дворца, через который входили королевы. Но стены были сделаны из ширм и узорного молочно-белого мрамора красивой резьбы со вставленными агатами, сердоликами, яшмой и лазуритами, и когда за холмом поднялась луна, она осветила ажурную ткань, отбрасывая на землю тени, похожие на украшение из чёрного бархата. Маугли, раздражённый, сонный и голодный, не мог не засмеяться, когда Бандар-логи начали на двадцать голосов рассказывать ему, какие они великие, и мудрые, и сильные, и знатные, и как он глуп, что желает от них уйти.

-Мы великие. Мы свободные. Мы чудесные. Мы все так говорим, и поэтому это должно быть правдой, - кричали они. - Теперь, так как ты - новый слушатель и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы он в будущем нас заметил, мы расскажем тебе о самых отличных из нас.

Маугли не стал возражать, и обезьяны сотнями собрались на террасе послушать, как их собственные ораторы поют хвалы Бандар-логам, и когда оратор останавливался перевести дыхание, они все вместе кричали: «Это правда; мы все так говорим». Маугли кивал, моргал и говорил «Да», когда ему задавали вопрос, и его голова кружилась от этого шума. «Должно быть, их всех покусал шакал Табаки, - сказал он себе, - и теперь у них бешенство. Это точно дьюани, бешенство. Они что, никогда не засыпают? Скоро ту луну закроет облако. Если бы только это было достаточно большое облако, я мог бы попытаться убежать в темноте. Но я устал.»

За тем же облаком наблюдали два хороших друга в разрушенном рву под городской стеной, потому что Багира и Каа, хорошо знавшие, как опасен Народ Обезьян в больших количествах, не желали рисковать. Обезьяны дерутся только тогда, когда их в сто раз больше, и немногих в джунглях интересуют такие соотношения.

-Я поползу к западной стене, - прошептал Каа, - и быстро спущусь по склону, где у меня будет преимущество. Они не станут сотнями бросаться мне на спину, но...

-Я знаю, - сказал Багира. - Был бы здесь Балу, но мы должны сделать то, что можем. Когда то облако закроет луну, я пойду на террасу. У них там какое-то совещание насчёт мальчика.

-Доброй охоты, - мрачно сказал Каа и уполз к западной стене. Она оказалась наименее разрушенной из всех, и большой змей на время задержался, разыскивая путь вверх по камням. Облако закрыло луну, и пока Маугли думал, что будет дальше, он услышал на террасе лёгкие шаги Багиры. Чёрная Пантера взбежал по склону почти беззвучно и теперь бил лапами – он знал, что не стоит тратить время на укусы – направо и налево среди обезьян, которые кругами по пятьдесят и по шестьдесят расселись вокруг Маугли. Раздался вой страха и ярости, а потом, когда Багира споткнулся о катящиеся, пинающиеся тела под ним, одна обезьяна закричала:

-Здесь только один! Убейте его! Убейте. – Копытающаяся масса обезьян, кусаясь, царапаясь, впиваясь и дёргая, сомкнулась над Багирой, а пять или шесть схватили Маугли, затащили его вверх по стене беседки и толкнули в дыру в разрушенном куполе. Мальчик, обученный людьми, был бы сильно ранен, потому что высота была добрых четыре с половиной метра, но Маугли упал так, как научил его падать Балу, и приземлился на ноги.

-Оставайся там, - закричали обезьяны, - пока мы не уберём твоих друзей, а потом мы с тобой поиграем – если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

-Мы с вами одной крови, вы и я, - сказал Маугли, быстро издав Змеиный Зов. Он услышал в мусоре вокруг шуршание и шипение и на всякий случай издал Зов во второй раз.

-Как скажешь! Опустить капюшоны! – раздалось полдюжины тихих голосов (все руины в Индии рано или поздно становятся жилищем змей, а в этой старой беседке жили кобры). – Стой спокойно, Маленький Брат, ведь твои ноги могут нам навредить.

Маугли стоял как можно тише, поглядывая сквозь ажурную ткань и слушая яростный шум драки вокруг Чёрной Пантеры – вопли, болтовню, возню и низкий, хриплый кашель Багиры, который пятился, брыкался, извивался и прыгал под кучами своих врагов. Впервые в жизни Багира сражался за свою жизнь.

«Должно быть, рядом Балу; Багира не стал бы приходить один», - подумал Маугли. И тогда он крикнул вслух:

-К баку, Багира. Катись к бакам с водой. Катись и прыгай! Доберись до воды!

Багира услышал, и этот крик, давший ему понять, что Маугли в безопасности, придал ему храбрости. Он отчаянно продирался, сантиметр за сантиметром, прямо к резервуарам, то и дело останавливаясь в тишине. Потом от ближайшей к джунглям разрушенной стены раздался грохочущий боевой клич Балу. Старый медведь сделал всё, что мог, но пришёл только сейчас.

-Багира, - закричал он, - я здесь. Я лезу! Я спешу! Ахврррр! Камни скользят под ногами! Я иду к вам, о мерзкие Бандарлоги! – Он, пытаясь, поднялся на террасу и тут же с головой исчез в волне обезьян, но твёрдо сел на корточки и, расправив передние лапы, захватил как можно больше врагов, а потом начал часто бить со звуком, напоминавшим круговые удары гребного колеса. По треску и плеску Маугли понял, что Багира прорвался к баку, куда не могли последовать обезьяны. Пантера легла, переводя дыхание и едва высунув голову из воды, а обезьяны стояли по три на красных ступеньках, подпрыгивая от ярости, готовые наброситься на него со всех сторон, если он вылезет помогать Балу. И тогда Багира поднял свой мокрый подбородок и в отчаянии издал Змеиный Зов, прося защиты:

-Мы с тобой одной крови, ты и я, - потому что он подумал, что Каа в последнюю минуту удрал. Даже Балу, чуть не задыхавшийся под обезьянами на краю террасы, не мог не хихикнуть, услышав, как Чёрная Пантера просит помощи.

Каа как раз перебрался через западную стену, приземлившись рывком, который обрушил в ров верхние камни. У него не было намерения терять преимущество на земле, и он раз или два свернулся и развернулся, чтобы убедиться, что каждый метр его длинного тела в рабочем состоянии. Всё это время продолжался бой с Балу, а вокруг Багиры в баке вопили обезьяны, а летучая мышь Мэнг, летавший взад-вперёд, разносил по джунглям новости о великой битве, пока не затрубил даже дикий слон Хатхи, и вдалеке проснулись разрозненные банды из Обезьяньего

Народа и поскакали по древесным дорогам помочь своим товарищам в Холодных Логовах, а шум битвы разбудил всех дневных птиц на километры вокруг. Боевая сила питона – в сильном ударе его головы, за которой стоят сила и вес всего его тела. Если вы можете представить себе копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый холодным, спокойным разумом, живущим в его рукоятке, то вы можете примерно представить себе, каков был Каа, когда он дрался. Питон длиной в метр-полтора может сбить человека с ног, если ударит его прямо в грудь, а в Каа, как вы знаете, было девять метров. Его первый удар попал в сердце толпы вокруг Балу. Он был нанесён в абсолютной тишине, и второй не понадобился. Обезьяны разбежались с криками:

-Каа! Это Каа! Бежим! Бежим!

Обезьяны поколениями пугали своих непослушных детей историями, которые их предки рассказали им о Каа, ночном воре, который умел ползать по веткам так же тихо, как растёт мох; о старом Каа, который умел так хорошо притворяться мёртвой веткой или гнилым пнём, что обманывал самых мудрых, пока эта ветка их не ловила. Каа был единственным, чего обезьяны боялись в джунглях, ведь никто из них не знал пределов его силы, никто из них не мог смотреть ему в лицо, и никто никогда не выходил из его объятий живым. И поэтому они побежали, заикаясь от ужаса, к стенам и крышам домов, и Балу облегчённо выдохнул. Его мех был гораздо гуще, чем у Багиры, но он сильно пострадал в драке. Потом Каа впервые открыл рот и произнёс одно длинное шипящее слово, и дальние обезьяны, спешившие на защиту Холодных Логов, остались на месте, съёжившись, пока под ними не согнулись и не треснули переполненные ветки. Обезьяны на стенах и пустых домах перестали кричать, и в тишине, упавшей на город, Маугли услышал, как Багира, вылезший из бака, отряхивает свои мокрые бока. Потом снова раздался шум. Обезьяны запрыгнули ещё выше на стены. Они хватались за шеи больших каменных идолов и визжали, перескакивая зубцы, а Маугли, приплясывавший в беседке, приложил глаз к узору и ухнул, как сова, держа язык между передними зубами, чтобы выразить своё злорадство и неуважение.

-Достань человеческого детёныша из той ловушки; я больше не могу, - выдохнул Багира. - Давай заберём человеческого детёныша и уйдём. Они могут снова напасть.

-Они не двинутся, пока я им не прикажу. Оссставайтесь на месте! - прошипел Каа, и город опять затих. - Я не мог прийти раньше, брат, но, по-моему, я услышал твой зов... - это он сказал Багире.

-Я - может, я и кричал в битве, - ответил Багира. - Балу, ты ранен?

-Я не уверен, что они не разорвали меня на сотню маленьких медвежат, - сказал Балу, мрачно дёргая то одной лапой, то другой. - Ай! Мне больно. Каа, по-моему, мы обязаны тебе жизнью - Багира и я.

-Пустяки. Где человек?

-Здесь, в ловушке. Я не могу выбраться, - крикнул Маугли. Кривая разбитого купола была у него над головой.

-Забирайте его. Он пляшет, как павлин Мао. Он передавит наш молодняк, - сказали кобры изнутри.

-Ха! - весело сказал Каа, - у этого человечка повсюду друзья. Отойди, человек. А вы, о Ядовитый Народ, спрячьтесь. Я ломаю стену.

Каа внимательно смотрел, пока не нашёл обесцвеченную трещину в мраморном узоре, где было слабое место, два или три раза легко стукнул головой, чтобы оценить расстояние, а потом, подняв с земли два метра своего тела, нанёс носом дюжину сокрушительных ударов в полную силу. Узор разбился и обрушился в облаке пыли и мусора, а Маугли выпрыгнул из отверстия и бросился к Балу и Багире - обняв руками две большие шеи.

-Ты ранен? - сказал Балу, мягко обнимая его.

-Я раздражён, голоден, и мне здорово досталось. Ох, но они жестоко обошлись с вами, мои братья! У вас идёт кровь.

-У них тоже, - сказал Багира, облизывая губы и глядя на мёртвых обезьян на террасе и вокруг бака.

-Пустяки, пустяки, главное, что ты цел, о лучший из всех лягушат! - хныкал Балу.

-Об этом мы поговорим позже, - сказал Багира сухим голосом, который Маугли совсем не понравился. – А это – Каа, благодаря которому мы выиграли битву, а ты остался жив. Благодарю его за то, что согласился нам помочь, Маугли.

Маугли повернулся и увидел, как в тридцати сантиметрах над ним раскачивается голова огромного питона.

-Значит, это человек, - сказал Каа. – Очень мягкая у него кожа, и он похож на Бандар-логов. Смотри, человек, чтобы я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерки после того, как сменю шкуру.

-Мы с тобой одной крови, ты и я, - ответил Маугли. – Сегодня ночью я обязан тебе жизнью. Моя добыча будет твоей добычей, если ты будешь голоден, о Каа.

-Большое спасибо, Маленький Брат, - сказал Каа, хотя глаза у него заблестели. – А кого может убить такой отважный охотник? Я спрашиваю, чтобы пойти за ним, когда он в следующий раз пойдёт на охоту.

-Я не убиваю никого, - я слишком мал, - но я загоняю козлов, чтобы их можно было добыть. Когда будешь пуст, приходи ко мне и убедись, что я говорю правду. Я неплохо орудую ими (он протянул свои ладони), и если когда-нибудь окажешься в ловушке, я смогу отплатить долг, в котором я перед тобой, Багирой и Балу. Доброй охоты вам всем, мои учителя.

-Хорошо сказано, - прорычал Балу, потому что Маугли поблагодарил очень красиво. Питон на минуту опустил голову Маугли на плечо.

-Храброе сердце и учтивый язык, - сказал он. – С ними ты далеко пойдёшь в джунглях, человек. Но теперь быстро уходи отсюда со своими друзьями. Иди спать, ведь луна заходит, а то, что последует за ней, тебе не стоит видеть.

Луна опускалась за холмы, и ряды дрожавших обезьян, съёжившихся на стенах и зубцах, были похожи на рваную трясущуюся бахрому. Балу спустился к баку попить, Багира начал приводить в порядок свой мех, а Каа выполз в центр террасы и сомкнул челюсти со звонким щелчком, после которого все обезьяны уставились на него.

-Луна заходит, - сказал он. - Вам ещё хватает света, чтобы увидеть?

Со стен донёсся стон, похожий на ветер в верхушках деревьев:

-Мы видим, о Каа.

-Хорошо. Теперь начинается танец – Голодный Танец Каа. Сидите тихо и смотрите.

Он дважды или трижды сложился в большой круг, покачивая головой вправо-влево. Потом он начал описывать своим телом петли, и восьмёрки, и мягкие треугольники, расползавшиеся в квадраты и пятиугольники, и свёрнутые холмы, не отдыхая, не спеша и не прекращая тихое бормотание. Становилось всё тише и тише, пока, наконец, тянувшиеся, двигавшиеся кольца не исчезли, но им был слышен шорох чешуи.

Балу и Багира стояли неподвижные, как камень, рыча во всё горло, шерсть у них на шеях встала дыбом, а Маугли смотрел и удивлялся.

-Бандар-логи, - сказал наконец голос Каа, - можете ли вы пошевелить рукой или ногой без моего приказа? Говорите!

-Без твоего приказа мы не можем пошевелить рукой или ногой, о Каа!

-Хорошо! Подойдите ближе ко мне на один шаг.

Ряды обезьян беспомощно двинулись вперёд, и вместе с ними сделали один жёсткий шаг Балу и Багира.

-Ближе! - прошипел Каа, и они все снова двинулись.

Маугли положил руки на Балу и Багиру, чтобы их оттащить, и два огромных зверя вздрогнули, как будто проснулись.

-Держи руку на моём плече, - прошептал Багира. - Держи её там, иначе я должен буду вернуться – должен буду вернуться к Каа. Ааа!

-Там просто старый Каа кружит в пыли, - сказал Маугли. - Пошли. - И они втроём проскользнули в джунгли через дырку в стене.

-Уф! – сказал Балу, когда снова встал под тихими деревьями.
– Никогда больше не буду заключать союз с Каа, - и он весь передёрнулся.

-Он знает больше, чем мы, - сказал Багира, дрожа. – Если бы я остался, то вскоре прошёл бы прямо в его горло.

-Этой дорогой пройдут многие, прежде чем луна снова взойдёт, - сказал Балу. – У него будет добрая охота – в его собственном смысле.

-Но что всё это значило? – сказал Маугли, который ничего не знал о способности питона заволакивать. – Я видел всего лишь большую змею, ползавшую глупыми кругами, пока не стало темно. И у него был ранен нос. Хо-хо!

-Маугли, - сердито сказал Багира, - у него был ранен нос из-за тебя, как и мои уши, бока и лапы, а у Балу из-за тебя покусаны шея и плечи. Много дней ни Балу, ни Багира не сможет охотиться ради удовольствия.

-Ничего, - сказал Балу, - человеческий детёныш снова с нами.

-Правда, но он стоил нам времени, которое можно было бы потратить на добрую охоту, ран, волос – у меня полспины облысело – и, наконец, чести. Потому что, Маугли, запомни, я, Чёрная Пантера, был вынужден позвать Каа на помощь, а Голодный Танец сделал нас обоих тупыми, как маленькие птички. Всё это, человеческий детёныш, произошло из-за того, что ты играл с Бандар-логами.

-Правда, это правда, - опечаленно сказал Маугли. – Я плохой человеческий детёныш, и моему желудку во мне грустно.

-Хм! Что гласит Закон Джунглей, Балу?

Балу не хотел опять доставлять Маугли неприятности, но не мог идти против Закона, поэтому промямлил:

-Печаль не избавляет от наказания. Но помни, Багира, он очень маленький.

-Я запомню. Но он причинил вред, и сейчас должны быть нанесены удары. Маугли, тебе есть что сказать?

-Ничего. Я поступил плохо. Балу и ты ранены. Это справедливо.

Багира отвесил ему полдюжины несильных с точки зрения пантеры шлепков (едва ли они могли бы разбудить одного из его собственных детей), но для семилетнего мальчика они были таким суровым избиением, какого не пожелаешь. Когда всё было кончено, Маугли чихнул и молча встал.

-Теперь, - сказал Багира, - прыгай мне на спину, Маленький Брат, и мы пойдём домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей в том, что наказание снимает вину. Впоследствии никто не ворчит.

Маугли положил голову Багире на спину и заснул так крепко, что так и не проснулся, когда его положили дома, в пещере.

Глава третья. «Тигр! Тигр!»

Теперь мы должны вернуться к первому рассказу. Когда Маугли ушёл из волчьей пещеры после битвы со Стаей на Скале Совета, он спустился к распаханным землям деревни, но там он не остановился, потому что они были слишком близко от джунглей, а он знал, что нажил на Совете как минимум одного опасного врага. Так что он поспешил дальше, держась жёсткой дороги, которая спускалась к долине, и бежал по ней спокойной трусцой почти тридцать километров, пока не прибежал в земли, которых он не знал. Долина перешла в огромную равнину, усеянную булыжниками и разрезанную оврагами.

На одном конце была маленькая деревня, а на другом густые джунгли спускались к пастбищам и резко останавливались у них, как будто отрезанные тяпкой. По всей долине паслись

скот и буйволы, и когда маленькие мальчики, пасшие стада, увидели Маугли, они закричали и убежали, а жёлтые бродячие собаки, которые разгуливают по каждой индийской деревне, залаяли. Маугли пошёл дальше, потому что он был голоден, и, придя к воротам деревни, он увидел большой колючий куст, который придвинули к воротам в сумерки и повалили набок.

-Гм! – сказал он, потому что уже натыкался не на одну такую баррикаду в ночных прогулках за едой. – Значит, здесь люди тоже боятся Народа Джунглей. – Он сел у ворот, и когда вышел какой-то мужчина, он встал, открыл рот и указал на него, показывая, что хочет есть. Мужчина уставился на него, побежал обратно по единственной улице в деревне и стал громко звать священника, который был крупным, толстым человеком в белой одежде и с красно-жёлтой отметиной на лбу. Священник подошёл к воротам, а с ним – по крайней мере сто человек, которые уставились на Маугли, говорили, кричали и показывали на него.

«У этого Человеческого Народа никаких манер, - сказал себе Маугли. – Только серая обезьяна повела бы себя так, как они.» Поэтому он отбросил назад свои длинные волосы и хмуро взглянул на толпу.

-Чего здесь бояться? – сказал священник. – Посмотрите на отметины на его руках и ногах. Это волчьи укусы. Он лишь дитя волков, сбежавшее из джунглей.

Конечно, когда волчата играли с Маугли, они часто покусывали его сильнее, чем намеревались, и у него на руках и ногах повсюду были белые шрамы. Но он был последним человеком в мире, который назовёт это укусами, ведь он знал, что значит кусаться по-настоящему.

-Ого! Ого! – сказали хором две или три женщины. – Бедный ребёнок, покусанный волками! Он красивый мальчик. У него глаза красные, как огонь. Клянусь честью, Мессуа, он похож на мальчика, которого забрал тигр.

-Дайте посмотреть, - сказала женщина с тяжёлыми медными браслетами на запястьях и лодыжках и уставилась на Маугли из-под своей ладони. – Правда похож. Он более худощав, но выглядит прямо как мой мальчик.

Священник был умным человеком и знал, что Мессуа – жена самого богатого жителя этой деревни. Поэтому он на минуту уставился в небо и торжественно сказал:

-Что джунгли взяли, джунгли отдали. Бери этого мальчика в свой дом, сестра, и не забудь оказать уважение священнику, который так далеко видит человеческие жизни.

«Клянусь быком, который меня выкупил, - сказал себе Маугли, - весь этот разговор похож на очередной смотр Стаи! Ну, если я человек, я должен стать человеком.»

Толпа расступилась, а эта женщина поманила Маугли в свою хижину, где была красная лакированная кровать, большой глиняный сундук для зерна, на котором были нарисованы странные узоры, полдюжины медных горшков для варки, изображение индусского бога в маленьком углублении, а на стене было настоящее зеркало, какие продают на деревенских ярмарках.

Она дала ему большой стакан молока и немного хлеба, а потом положила руку ему на голову и посмотрела ему в глаза; ведь она, возможно, думала, что он действительно может быть её сыном, вернувшимся из джунглей, куда его забрал тигр. Она сказала:

-Нату, о Нату! – Маугли не подавал виду, что знает это имя. – Ты не помнишь тот день, когда я подарила тебе новые башмаки? – Она коснулась его ступни, и та была почти такой же твёрдой, как рог. – Нет, - сказала она печально, - эти ноги никогда не носили башмаков, но ты очень похож на моего Нату, и быть тебе моим сыном.

Маугли было неудобно, потому что он никогда ещё не был под крышей. Но, посмотрев на соломенную крышу, он увидел, что в любой момент может порвать её, если захочет удрать, и что у окна нет задвижек. «Какой толк от человека, - сказал он себе наконец, - если он не понимает человеческую речь? Сейчас я такой же глупый и немой, каким человек был бы в джунглях. Я должен говорить на их языке.»

Когда он был с волками, он не для развлечения учился повторять крик оленей в джунглях и хрюканье мелкой дикой свиньи. Поэтому, как только Мессуа произносила слово,

Маугли повторял его почти идеально и до темноты успел выучить названия многих предметов в хижине.

С тем, чтобы лечь спать, возникла трудность, потому что Маугли отказался спать в хижине, настолько похожей на ловушку для пантер, и когда дверь закрыли, он вышел через окно.

-Пусть делает, как хочет, - сказал муж Мессуа. - Помни, он никогда раньше не спал на кровати. Если он действительно послан вместо нашего сына, он не сбежит.

Так что Маугли растянулся на какой-то длинной чистой траве на краю поля, но не успел он закрыть глаза, как ему под подбородок уткнулся мягкий серый нос.

-Фу! - сказал Серый Брат (он был старшим сыном Матери-Волчицы). - Это плохая награда за то, что я шёл за тобой тридцать километров. Ты пахнешь древесным дымом и скотом - в общем, уже как человек. Проснись, Маленький Брат; я принёс новости.

-В джунглях все в порядке? - сказал Маугли, обнимая его.

-Все, кроме волков, которых обжёг Красный Цветок. Теперь слушай. Шерхан ушёл охотиться далеко, пока у него снова не отрастёт шкура, ведь он сильно опалён. Он клянётся, что сбросит твои кости в Вайнгунгу, когда вернётся.

-Это мы ещё посмотрим. Я тоже сделал небольшое обещание. Но новости - это всегда хорошо. Сегодня я устал, - очень устал от новых вещей, Серый Брат, - но ты всегда приноси мне новости.

-Ты не забудешь о том, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть? - нервно сказал Серый Брат.

-Никогда. Я всегда буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но ещё я всегда буду помнить, что меня изгнали из Стаи.

-И что тебя могут изгнать из другой стаи. Люди - это всего лишь люди, Маленький Брат, и их речь похожа на речь лягушек в пруду. Когда я снова спущусь сюда, я буду ждать тебя в бамбуке на краю пастбища.

После той ночи Маугли почти не выходил за ворота деревни, он был слишком занят изучением быта и нравов людей. В-первых, ему пришлось носить на себе кусок ткани, который его ужасно раздражал; а потом ему пришлось узнать о деньгах, о которых он не имел ни малейшего понятия, и о пахоте, в которой он не видел смысла. Потом его очень рассердили маленькие дети в деревне. К счастью, Закон Джунглей научил его держать себя в руках, ведь в джунглях от этого зависят жизнь и сытость; но когда над ним смеялись из-за того, что он не играет в игры, не запускает воздушных змеев или неправильно произносит какое-то слово, только знание того, что убивать маленьких голых детёнышей неспортивно, мешало ему поднять их и разорвать пополам.

Он не имел ни малейшего понятия о собственной силе. В джунглях он знал, что слаб по сравнению со зверями, но в деревне люди говорили, что он силен, как бык.

А ещё Маугли не имел никакого представления о кастах, отличающих одного человека от другого. Когда осёл гончара поскользнулся и угодил в отстойник, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для путешествия на рынок в Ханиваре. Это тоже было сильным шоком, потому что гончар был человеком из низшей касты, а его осёл – ещё хуже. Когда его отругал священник, Маугли пригрозил положить на осла и его, и священник сказал мужу Мессуа, что Маугли лучше как можно скорее отправить на работу; и деревенский староста сказал Маугли, что на следующий день он должен будет идти с буйволами и наблюдать за ними, пока они пасутся. Маугли был доволен больше всех; и в ту ночь, поскольку его в каком-то смысле назначили слугой деревни, он пошёл в круг людей, которые встречались каждым вечером на каменной платформе под большим фиговым деревом. Это был деревенский клуб, где староста, и сторож, и парикмахер, который знал все сплетни в деревне, и старый Булдео, деревенский охотник, у которого был мушкет «Тауэр», встречались и курили. На верхних ветках сидели и болтали обезьяны, а под платформой была нора, где жила кобра, и ей каждый вечер наливали тарелочку молока, потому что она была священной; а старики сидели вокруг дерева, и болтали, и до глубокой ночи затягивались большими кальянами. Они рассказывали чудесные истории о

богах, и людях, и привидениях; а Булдео рассказывал ещё более чудесные – о привычках зверей в джунглях, пока у детей, сидящих рядом с кругом, глаза не вылезали из орбит. Большая часть рассказов была о животных, ведь джунгли были в двух шагах от них. Олень и дикая свинья раскапывали их урожай, а тигр то и дело уносил человека в сумерки, что было видно из ворот деревни.

Маугли, который, естественно, знал кое-что о том, о чём они говорили, пришлось закрывать лицо, чтобы не показывать, что он смеётся, когда Булдео с мушкетом «Тауэр» на коленях переходил от одной чудесной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи.

Булдео объяснял, что тигр, который унёс сына Мессуа – это тигр-призрак, а в его тело вселился дух старого злого ростовщика, который умер несколько лет назад.

-И я знаю, что это правда, - сказал он, - потому что Пурун Дасс всегда хромал из-за удара, который получил во время бунта, когда сожгли его учётные книги, а тигр, о котором я говорю, он тоже хромает, потому что следы его лап неровные.

-Да, да, должно быть, это правда, - сказали седобородые, вместе кивнув.

-Неужели все эти рассказы – такая муть и ерунда? – сказал Маугли. – Тигр хромает, потому что родился хромым, это все знают. Только дитя станет говорить о душе ростовщика в звере, который всю жизнь был трусливее шакала.

На мгновение Булдео онемел от удивления, а староста уставился на него.

-Ого! Это же озорник из джунглей, не так ли? – сказал Булдео. – Если ты так мудр, принеси-ка его шкуру в Ханивару, потому что правительство даёт за его убийство сто рупий. Кроме того, молчи, когда говорят старшие.

Маугли встал и пошёл.

-Я весь вечер лежал здесь и слушал, - крикнул он через плечо, - и Булдео, кроме пары раз, не сказал ни одного правдивого слова в отношении джунглей, которые у него под самым носом. Как же мне тогда поверить в рассказы о

привидениях, богах и гоблинах, которых, по его словам, он видел?

-Этому парню давно пора идти пасти стадо, - сказал староста, а Булдео надулся и фыркнул от дерзости Маугли.

По обычаю большинства индийских деревень несколько мальчиков выводят скот и буйволов пастись рано утром, а ночью приводят их обратно. Тот самый скот, который растоптал бы белого человека насмерть, позволяет, чтобы его лупили, погоняли и кричали на него дети, которые едва достают ему до носа. Пока мальчики держатся вместе со стадами, они в безопасности, ведь на целое стадо не бросится даже тигр. Но если они уходят собирать цветы или охотиться на ящериц, их иногда уносят. На рассвете Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине Рамы, огромного быка из стада. Сланцево-синие буйволы с длинными закрученными назад рогами и дикими глазами один за другим выходили из коровников и шли за ним, и Маугли очень ясно дал понять шедшим с ним детям, что он главный. Он ударил буйволов длинным отполированным бамбуковым шестом и сказал Камии, одному из мальчиков, чтобы пасли скот сами, а он пойдёт с буйволами, и чтобы были очень осторожны и не отходили далеко от стада.

Индийское пастбище состоит из камней, грязи, лугов и маленьких ущелий, среди которых расходятся и исчезают стада. Буйволы, как правило, держатся водоёмов и грязных мест, где часами лежат, валяясь или согреваясь в тёплой грязи. Маугли провёл их на край равнины, где из джунглей вытекала Вайнгунга; потом он спустился с шеи Рамы, прошагал к зарослям бамбука и нашёл Серого Брата.

-А, - сказал Серый Брат, - я жду тебя здесь много дней. В чём смысл этой работы – пасти стада?

-Это приказ, - сказал Маугли. – На какое-то время я деревенский пастух. Какие новости о Шерхане?

-Он вернулся в эту местность и давно ждёт тебя здесь. Сейчас он снова ушёл, потому что охота плохая. Но он хочет тебя убить.

-Очень хорошо, - сказал Маугли. – Пока его нет, пусть один из вас четверых, братья, сидит на той скале, чтобы я вас видел,

когда выхожу из деревни. Когда он вернётся, ждите меня в ущелье у бутеи в центре равнины. Нам не нужно идти в пасть Шерхана.

Потом Маугли выбрал тенистое место и лёг спать, пока вокруг него паслись буйволы. Пасти стада в Индии – одно из самых скучных занятий в мире. Скот двигается, хрустит травой, ложится и снова двигается, и даже не мычит. Он только ворчит, а буйволы очень редко что-то говорят, а лишь один за другим залезают в грязь, пока над поверхностью не будут видны только их носы и выпученные светло-синие глаза, а потом они лежат, как брёвна. От жаркого солнца скалы плывут на глазах, а дети-пастухи слышат, как над головой свистит один (не больше) еле видимый коршун, и знают, что если они или кто-то из коров умрёт, этот коршун бросится вниз, а в километрах отсюда следующий коршун увидит, как он упал, и последует за ним, и следующий, и следующий, и едва стоит умереть, как из ниоткуда появится целая стая голодных коршунов. Потом пастухи спят, и просыпаются, и снова спят, и сплетают из высушенной травы небольшие корзинки и сажают в них кузнечиков; или ловят двух богомоллов и заставляют их драться; или делают ожерелье из красных и чёрных орехов из джунглей; или смотрят, как ящерица греется на солнце или как змея охотится на лягушку возле луж. Потом они поют длинные-длинные песни со странными народными трелями в конце, и день кажется длиннее, чем у большинства людей вся жизнь, а иногда они строят грязевой замок с грязевыми фигурками людей, лошадей и буйволов, и вставляют человечкам в руки тростинки, и воображают, что они короли, а эти фигурки – их армии, или что они боги, которым поклоняются. Потом наступает вечер, и дети зовут буйволов, и те один за другим с шумом, похожим на стрельбу из ружей, поднимаются из липкой грязи, и все они направляются по серой равнине обратно, к мерцающим огням деревни.

День за днём Маугли водил буйволов к их грязи, и день за днём в двух километрах на равнине ему была видна спина Серого Брата (так он знал, что Шерхан не вернулся), и день за днём он лежал на траве, слушая звуки вокруг и видя сны о старых днях в джунглях. Если бы в джунглях Вайнгунги

Шерхан сделал неосторожный шаг своей хромой лапой, в такое долгое спокойное утро Маугли бы его услышал.

Наконец настал день, когда он не увидел Серого Брата в условном месте, и он засмеялся и направил буйволов к ущелью возле бутеи, покрытой красно-золотистыми цветками. Там сидел Серый Брат, у которого на всей спине шерсть стояла дыбом.

-Он спрятался на месяц, чтобы застать тебя врасплох. Прошлой ночью он пересёкся с Табаки, который бежал по твоему следу, как на пожар, - сказал волк, пыхтя.

Маугли нахмурился.

-Шерхана я не боюсь, но Табаки очень хитёр.

-Не пугайся, - сказал Серый Брат, слегка облизнув губы. - Я встретил Табаки на рассвете. Сейчас он уже рассказывает о своей жизни коршунам, но он всё сказал мне перед тем, как я сломал ему спину. План Шерхана - ждать тебя сегодня вечером у ворот деревни, тебя и никого другого. Он сейчас лежит в большом сухом ущелье Вайнгунги.

-Он сегодня поел или охотится на пустой желудок? - сказал Маугли, потому что ответ был для него жизненно важен.

-Он на рассвете убил свинью - и попил тоже. Помни, Шерхан никогда не умел торопиться, даже ради мести.

-Ох! Дурак, дурак! Что за несмышлёныш! Наелся, напился и думает, что я буду ждать, пока он выпится! Так, где он лежит? Будь нас всего десять, мы могли бы сбить с него спесь, пока он лежит. Эти буйволы не нападут, если не учуют его, а на их языке я говорить не умею. Мы можем напасть на его след, чтобы они его взяли?

-Он приплыл издалека по Вайнгунге, чтобы сбить след, - сказал Серый Брат.

-Знаю, ему сказал Табаки. Сам бы он в жизни до этого не додумался, - Маугли стоял, засунув палец в рот и думая. - Большое ущелье Вайнгунги. Оно выходит на равнину за полкилометра отсюда. Я могу провести стадо через джунгли к началу ущелья, а потом наброситься - но он улизнёт с

другого конца. Тот конец мы должны заблокировать. Серый Брат, ты можешь разделить мне стадо надвое?

-Я, может быть, и нет – но я привёл мудрого помощника. – Серый Брат зашагал прочь и спрыгнул в нору. Потом оттуда поднялась огромная серая голова, которую Маугли хорошо знал, и горячий воздух наполнил самый безрадостный крик во всех джунглях – вой волка, охотящегося в полдень.

-Акела! Акела! – сказал Маугли, хлопнув в ладоши. – Я мог бы и догадаться, что ты меня не забудешь. У нас есть тяжёлая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Оставь коров и телят вместе, а быков и буйволов для пахоты отдели.

Два волка цепочкой побежали в середину стада, в котором все зафыркали, подняли головы и разделились на две группы. В одной стояли коровы с телятами в центре, сердито смотрели и рыли землю копытами, готовые, если волк будет неподвижен, наброситься и затоптать его до смерти. В другой фыркали и топали быки и молодые бычки, но они, хотя и выглядели более внушительно, были гораздо менее опасны, ведь им не надо было защищать телят. Даже шесть человек не смогли бы так аккуратно разделить стадо.

-Ну и порядок! – пропыхтел Акела. – Они пытаются снова сойтись.

Маугли скользнул на спину Рамы.

-Уводи быков налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдём, держи коров вместе и веди их к основанию ущелья.

-Насколько далеко? – сказал Серый Брат, пыхтя и щёлкая зубами.

-Так, чтобы Шерхан не мог допрыгнуть, – закричал Маугли. – Держи их там, пока мы не спустимся. – Убежали быки, за которыми погнался Акела, а Серый Брат остановился перед коровами. Они бросились на него, и он побежал прямо перед ними к основанию ущелья, пока Акела уводил быков подальше, налево.

-Молодец! Ещё один рывок, и они будут готовы. Теперь осторожно – осторожно, Акела. Слишком громко щёлкнешь зубами, и быки нападут. Ух! Эта работа похлеще, чем

загонять чёрную антилопу. Ты думал, что эти существа могут так быстро двигаться? – крикнул Маугли.

-Я – я тоже в своё время на них охотился, - выдохнул Акела в пыли. – Мне гнать их в джунгли?

-Да! Гони. Быстро гони их! Рама вне себя от ярости. Ох, если бы я только мог сказать ему, что мне сегодня от него нужно.

Быки были повёрнуты, на этот раз направо, и врезались в стоявшие заросли. Другие дети-пастухи, наблюдавшие вместе со скотом в половине километра от них, со всех ног поспешили к деревне, крича, что буйволы сошли с ума и убежали.

Но план Маугли был достаточно прост. Он хотел всего лишь образовать наверху большой круг и добраться до начала ущелья, а потом спустить туда быков и поймать Шерхана между быками и коровами; ведь он знал, что наевшийся и напившийся Шерхан будет не в состоянии драться или взбираться по склонам ущелья. Теперь он голосом успокаивал буйволов, а Акела остался далеко позади, лишь один или два раза заскулив, чтобы поторопить арьергард. Это был длинный-длинный круг, ведь они не хотели подойти к ущелью слишком близко и предупредить Шерхана. Наконец Маугли собрал озадаченное стадо в начале ущелья, на участке травы, который круто спускался в само ущелье. С такой высоты через верхушки деревьев была видна равнина внизу; но Маугли посмотрел на края ущелья и с огромным удовлетворением увидел, что они почти вертикальные, а лианы и корневища, которые с них свисают, не удержат тигра, который захочет выбраться.

-Пусть передохнут, Акела, - сказал он, поднимая руку. – Они его ещё не учуяли. Пусть передохнут. Я должен сказать Шерхану, кто пришёл. Он у нас в ловушке.

Он приложил ладони ко рту и крикнул в ущелье – это было похоже на крик в туннель – и эхо скакало от скалы к скале.

Через долгое время раздался протяжный сонный рык сытого тигра, только что разбуженного.

-Кто кричит? – сказал Шерхан, и из ущелья, визжа, выпорхнул великолепный павлин.

-Я, Маугли. Похититель скота, пора идти на Скалу Совета! Вниз – гони их вниз, Акела! Вниз, Рама, вниз!

Стадо на мгновение задержалось на краю ущелья, но Акела во весь голос издал охотничий вой, и один за другим они бросились вниз, как волна, оставляемая за пароходом, разбрызгивая вокруг себя песок и камни. Их уже было невозможно остановить, и не успели они как следует спуститься на дно ущелья, как Рама учуял Шерхана и замычал.

-Ха! Ха! – сказал Маугли на его спине. – Теперь ты знаешь! – и поток чёрных рогов, взмыленных морд и уставившихся глаз понёсся в ущелье так же, как при наводнении спускаются булыжники; буйволов послабее отталкивали в стороны, где они продирались через лианы. Они знали, какое у них дело – ужасный напор стада буйволов, перед которым не устоит ни один тигр. Шерхан услышал грохот их копыт, поднялся и захромал по ущелью, глядя то в одну, то в другую сторону, куда бы убежать, но стены ущелья были прямыми, и ему пришлось остаться, тяжёлому от своего обеда и воды, желавшему делать что угодно, но не сражаться. Маугли услышал ответное мычание из конца ущелья, увидел, как Шерхан повернулся (тигр знал, что из двух зол лучше выбрать быков, а не коров с телятами), а потом Рама споткнулся, пошатнулся, прошёл по чему-то мягкому и впереди всех быков врезался во второе стадо, пока буйволов послабее подняло с ног от столкновения. Эта атака вынесла оба стада на равнину, окровавленных, топчущих и фыркающих. Маугли дождался удобного момента и соскользнул с шеи Рамы, хлопнув по нему палкой слева и справа.

-Скорее, Акела! Разбей их. Заставь их разбежаться, иначе они станут драться друг с другом. Прогони их, Акела. Эй, Рама! Эй, эй, эй! Дети мои. Тише, тише! Всё кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад-вперёд, покусывая буйволов за ноги, и хотя один раз стадо развернулось, чтобы снова броситься в ущелье, Маугли удалось развернуть Раму, а остальные пошли за ним к грязным лужам.

Шерхана уже не надо было топтать. Он был мёртв, и к нему уже летели коршуны.

-Братья, это была собачья смерть, - сказал Маугли, нащупывая нож, который теперь, когда жил с людьми, всегда носил в чехле на своей шее. – Но он бы в жизни не стал сражаться. Его шкура будет хорошо смотреться на Скале Совета. Мы должны сделать эту работу быстро.

Мальчик, обученный людьми, не мог бы и мечтать о том, что в одиночку ошкурит трёхметрового тигра, но Маугли лучше всех знал, как на животном лежит его шкура и как её можно снять. Но это была тяжёлая работа, и Маугли целый час резал, рвал и пыхтел, пока волки сидели с высунутыми языками или подходили и натягивали, как он им велел. Через некоторое время на его плечо опустилась рука, и, взглянув вверх, он увидел Булдео с мушкетом «Тауэр». Дети рассказали в деревне о бегстве стада, и Булдео сердито вышел только для того, чтобы отчитать Маугли за плохой уход за стадом. Волки скрылись из виду, как только увидели, что подходит человек.

-Что это за глупости? – сердито сказал Булдео. – Думать, что ты можешь ошкурить тигра! Где его убили буйволы? Это же тот самый Хромой Тигр, а за его голову дают сто рупий. Так-так, мы закроем глаза на то, что ты упустил стадо, и, возможно, я дам тебе одну рупию из той награды, когда отнесу шкуру в Ханивару. – Он нашарил в своём поясном кармане кремёнок и кресало и нагнулся поджечь Шерхану усы. Большинство охотников-аборигенов всегда поджигают тигра усы, чтобы их не преследовал его призрак.

-Хм! – сказал Маугли отчасти сам себе, срывая кожу с передней лапы. – Значит, ты отнесёшь шкуру в Ханивару ради награды, а мне, может, дашь одну рупию? Ну а мне думается, что эта шкура нужна мне самому. Хех! Старик, убери этот огонь!

-Как ты разговариваешь с главным охотником деревни? Убить его тебе помогли твоя удача и тупость твоих буйволов. Тигр только что наелся, иначе бы он уже убежал на тридцать километров. Ты даже не можешь правильно его ошкурить, маленький нищерброд, и, без сомнения, должен говорить мне, Булдео, чтобы не поджигал ему усы. Маугли, я не дам тебе ни анны из своей награды, а лишь хорошую трёпку. Отойди от трупа!

-Клянусь быком, который меня выкупил, - сказал Маугли, который пытался дотянуться до плеча тигра, - неужели я должен весь день трепаться со старой обезьяной? Эй, Акела, этот человек мне надоел.

Булдео, который был всё ещё согнут над головой Шерхана, обнаружил, что растянулся на траве, а над ним стоит серый волк, пока Маугли продолжает снимать шкуру так, как будто во всей Индии есть только он один.

-Да-а, - сказал он, сжав зубы. - Ты совершенно прав, Булдео. Ты не дашь мне ни одной анны из награды. У этого хромого тигра со мной вражда - очень старая вражда, и - я победил.

Надо отдать Булдео должное, если бы он был на десять лет моложе и встретил Акелу в лесу, он бы рискнул побороться с этим волком, но волк, подчинявшийся приказам мальчишки, у которого личная вражда с тиграми-людоедами, не был обычным животным. Это волшебство, злая магия, подумал Булдео, а ещё он думал, защитит ли его амулет на шее. Он лежал так же неподвижно, в любую минуту ожидая увидеть, как Маугли сам превратится в тигра.

-Магараджа! Великий король, - сказал он, наконец, сиплым шёпотом.

-Да, - сказал Маугли, не поворачивая головы и слегка хихикнув.

-Я старый человек. Я не знал, что ты не просто пастух. Можно я встану и уйду, или же твой слуга разорвёт меня на части?

-Уходи, и уходи с миром. Только в другой раз не вмешивайся в мою охоту. Отпусти его, Акела.

Булдео как можно быстрее похромал в деревню, оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-то ужасное. Добравшись до деревни, он рассказал историю о магии, и чарах, и волшебстве, от которой у священника был очень мрачный вид.

Маугли продолжил свою работу, но были уже почти сумерки, когда он и волки наконец отделили от тела яркую шкуру.

-Теперь мы должны её спрятать и отвести буйволов домой! Помоги мне пасти их, Акела.

Стадо развернулось в сумеречной дымке, и когда они дошли до деревни, Маугли увидел огни и слышал, как в храме трубят рога и гремят колокола. Казалось, что у ворот его ждёт полдеревни. «Это потому, что я убил Шерхана», - сказал он себе. Но у его ушей просвистел дождь из камней, а в деревне закричали:

-Волшебник! Волчий выродок! Демон из джунглей! Уходи! Быстро убирайся, или священник превратит тебя обратно в волка. Стреляй, Булдео, стреляй!

Гроыхнул старый мушкет «Тауэр», и молодой буйвол заорал от боли.

-Опять волшебство! – закричали в деревне. – Он может отражать пули. Булдео, это был твой буйвол.

-Да что это такое? – сказал озадаченный Маугли, когда камни полетели плотнее.

-Эти твои братья очень похожи на Стаю, - сказал Акела, спокойно садясь. – Мне думается, если пули что-то значат, то тебя сейчас прогонят.

-Волк! Волчий сын! Уходи! – кричал священник, размахивая веткой священного растения тулси.

-Опять? В прошлый раз за то, что я человек. В этот раз за то, что я волк. Пошли, Акела.

К стаду подбежала женщина – это была Мессуа – и закричала:

-Ох, мой сын, мой сын! Они говорят, что ты волшебник, который умеет по желанию превращаться в зверя. Я не верю, но уходи, иначе тебя убьют. Булдео говорит, что ты колдун, но я знаю, что ты отомстил за смерть Нату.

-Вернись, Мессуа! – кричали в толпе. – Вернись, или наши камни попадут в тебя.

Маугли издал короткий неприятный смех, потому что камень попал ему в рот.

-Беги обратно, Мессуа. Это одна из тех глупых сказок, которые они рассказывают под большим деревом в сумерки. По крайней мере, я оплатил за гибель твоего сына. Прощай; и беги быстро, потому что я отправлю стадо внутрь быстрее, чем они бросают свои булыжники. Я не колдун, Мессуа. Прощай!

Давай ещё раз, Акела, - крикнул он. - Вводи стадо.

Буйволы были достаточно рассержены, чтобы побежать в деревню. Им едва ли был нужен вой Акелы, они понеслись в ворота вихрем, раскидывая толпу налево и направо.

-Считайте их! - презрительно закричал Маугли. - Может, одного из них я украл. Считайте их сами, потому что я вам больше не пастух. Прощайте же, человечьи дети, и благодарите Мессуа за то, что я не приду со своими волками гоняться за вами по всей улице.

Он развернулся на пятках и ушёл вместе с Волком-Одиночкой, и когда он посмотрел на звёзды, то почувствовал себя счастливым.

-Больше я не сплю в ловушках, Акела. Давай заберём шкуру Шерхана и уйдём. Да, мы не будем вредить деревне, потому что Мессуа была ко мне добра.

Когда над равниной поднялась луна, сделав её всю молочно-белой, ужаснувшиеся жители деревни увидели Маугли в сопровождении двух волков и с бесформенной массой на голове, уходившего спокойным волчьим шагом, который преодолевает длинные километры, словно огонь. Потом они ещё громче ударили в колокола храма и затрубили в рога. И Мессуа плакала, а Булдео приукрашивал историю о своих приключениях в джунглях до тех пор, пока не сказал, что Акела встал на задние ноги и заговорил, как человек.

Луна как раз заходила, когда Маугли и два волка подошли к холму Скалы Совета и остановились у пещеры Матери-Волчицы.

-Меня выгнали из Человеческой Стаи, мама, - закричал Маугли, - но я пришёл со шкурой Шерхана, чтобы сдержать слово.

Из пещеры неуклюже вышла Мать-Волчица, а за ней – дети, и когда она увидела шкуру, её глаза засияли.

-Я говорила ему об этом дне, когда он втиснул в эту пещеру свои голову и плечи, охотясь за тобой, Лягушонок – я говорила ему, что охотник станет жертвой. Ты молодец.

-Ты молодец, Маленький Брат, - сказал низкий голос в зарослях. – Без тебя нам в джунглях было одиноко, - и к босым ногам Маугли подбежал Багира. Они вместе поднялись на Скалу Совета, и Маугли постелил шкуру на плоский камень, где раньше сидел Акела, и пришил её четырьмя бамбуковыми щепками, а Акела лёг на неё и издал старый зов Совета:

-Смотрите – смотрите лучше, о волки, - как он кричал и тогда, когда Маугли впервые привели туда.

С тех самых пор, как Акелу свергли, Стая была без вожака, охотилась и дралась для собственного удовольствия. Но она по привычке ответила на зов; и одни волки были хромы из-за ловушек, в которые попали, другие хромали из-за огнестрельных ран, у третьих была чесотка из-за плохого питания, а многих вообще не было. Но они пришли на Скалу Совета, все, кто остался, и увидели на скале полосатую шкуру Шерхана и огромные когти, свисавшие с концов пустых болтавшихся лап. И тогда Маугли сочинил песню, которая сама собой пришла ему в глотку, и кричал её вслух, прыгая вверх-вниз на скрипучей шкуре и отбивая ритм пятками, пока у него не перехватило дыхание, а в перерывах между куплетами выли Серый Брат и Акела.

-Смотрите лучше, о Волки. Я сдержал слово? – сказал Маугли. И волки рявкнули: «Да», а один потрепанный волк взвыл:

-Веди нас снова, о Акела. Веди нас снова, о человеческий детёныш, потому что мы устали от этого беззакония, и мы снова станем Свободным Народом.

-Ну уж нет, - заурчал Багира, - этого не будет. Когда вы наедитесь, на вас может снова найти безумие. Вас не просто так называют Свободным Народом. Вы сражались за свободу, и она ваша. Подавитесь ею, о волки.

-Человеческая Стая и Волчья Стая меня выгнали, - сказал Маугли. – Теперь я буду охотиться в джунглях один.

-А мы будем охотиться с тобой, - сказали четверо волчат.

Так что Маугли ушёл и с того дня охотился в джунглях с четырьмя волчатами. Но он не всегда был один, потому что годы спустя он стал мужчиной и женился.

Но это уже история для взрослых.